

Юлия Фирсанова

рыжее братство.
Точное попадание

Трудно найти друзей, особенно когда
тебя ищут враги... Ну уж если нашла!..

Юлия А. Фирсанова
Точное попадание
Серия «Рыжее братство», книга 1

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=647805

*Фирсанова Ю. А. Рыжее братство. Точное попадание: Издательство АЛЬФА-КНИГА; Москва; 2011
ISBN 978-5-9922-0894-8*

Аннотация

Типичная ситуация в попаданской жизни. Выдернули девушку с родной кухни, бросили на какой-то полянке в чужом мире и смылись по делам. Крутись, Ксюша, как хочешь, приспосабливайся, заводи друзей: сильф, вор, палач, опальный поэт... Кандидаты один другого обаятельнее! Но то друзья, враги же и сами найдутся, особенно если ты любопытна, словно кошка, и тебе больше всех надо, почти как Бэтмену.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	13
Глава 3	24
Глава 4	33
Глава 5	41
Глава 6	53
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Юлия Фирсанова

Рыжее братство. Точное попадание

Глава 1

Точное попадание

– Это она? – В бесплотном и каком-то бесполом, не мужском и не женском голосе явственно слышалось натуральное сомнение покупателя, пришедшего на базар в надежде найти по дешевке чистопородного щенка.

– Ага. Единственная, больше в мирах нашего Уровня не осталось, всех извели, да и размножаются они плохо... – прозвучал ответ с явным призывом в голосе обиды из-за отсутствия радости по столь уникальному поводу, как явление самой натуральной «её». – Ты просил, вот я и нашел.

– Урбанизированный мир. – Сомнение, неуверенность и неприязнь прозвучали четче. – Если забирать, это же нарушение Закона постоянства пребывания.

– Закон, он для живых создан, а у нас все равно другого выхода нет, – наставительно заметил второй голос с интонациями завязтого сутяжника и прибавил почти иронично: – Не в Совет же тебе запрос посылать: «Никого нет, пришлите ради Творца!»

– Нельзя, осудят, а если и дадут, то лет через пятьсот, а то и больше. Их же и на других Уровнях дефицит, а нам ждать долго нельзя... – снова послышался скорбный вздох. – Ну, что ж, раз эта единственная... – очередной вздох побил все рекорды по содержанию массы сожаления на отдельный звук. – Придется ее...

Когда в голове или где-то вне ее ни с того ни с сего раздались таинственные голоса, я (ручаюсь!) не спала, не читала и ничего тяжелого на черепушку не роняла. Мало ли что в пограничных для психики состояниях пригрезиться может! Напротив, деятельность моя носила вполне рациональный характер. Судите сами: девушка, уже одетая для цивилизованного выхода в свет, торопливо шинковала редиску на салат, стремясь только к одной вполне практической цели – как можно быстрее изрезать овощную фигию и бежать с подружкой в кино на очередной крутой фильм с Милой Йовович. (Этой рыжей теткой с хрипло-пропитым голосом записной алкоголички и такой физической формой, о которой мне и не мечталось, я искренне восхищалась толикой белой зависти.) Словом, галлюцинациям и фантазиям в данный момент моей жизни было не место, однако они явились, не спросив официального разрешения.

Я машинально продолжала строгать редис и слушала идиотский диалог, при этом почему-то была совершенно уверена, что обсуждают мою персону. Как раз тогда, когда маленькое терпение лопнуло и я собралась вмешаться, дабы послать спорщиков подальше (если галлюцинация моя личная, значит, я ее и прекратить могу!) – начало твориться нечто несусветное. Тело обволокло приятное тепло, потом я ощутила покалывание в конечностях, и мир покачнулся.

– А ведь ничего крепче чая с утра не пила, – успела промелькнуть обидная мысль.

– Не бойся, служительница, твой час пробил! – «подбодрил» незримый собеседник номер один с некоторой долей сомнения в голосе.

Почувяв, что творится что-то неладное, я еще успела одной рукой подхватить со стула сумку и куртку. Вовремя! Мир исчез в каком-то не то мареве, не то и вовсе небытии.

– Совет ждет только вас! – набатом прозвучал в голове суровый голос, явно подразумевающий куда более невежливое: «Где шляетесь, негодники!»

– Мы уже идем, – послышался поспешный ответ созданий, скрывающих за показной бодрой готовностью какую-то провинность. Я почувствовала себя игрушкой, которую ребенок прячет в укромном уголке, чтобы предьявить строгой воспитательнице совершенно пустые ладошки.

– Мы тебя скоро заберем, служительница, подожди пока здесь, – торопливо пробормотала пара голосов, и я оказалась выкинута на солнечную полянку в кругу деревьев.

Мягкая посадка на куртку состоялась аккуратно посреди поляны, а сверху по попе чувствительно поддала сумка, счастье, что не упала на ножик, который продолжала цепко сжимать рука. Я машинально сунула в рот редиску и, с аппетитом хрупя, огляделась по сторонам. Трава – зеленая. Цветы – кажется, незабудки, да еще какие-то желтые, как звать, не знаю, но у нас на даче такие встречала и даже выпалывала. Зато кусты и деревья... Блин, ботанику в институте как сдала, так и позабыть успела, но вроде бы половины из этих растений не видела ни в жизни, ни по телику – в передачах об экзотических странах.

Так куда меня зашвырнули эти психи и, главное, зачем? Идиотизм! Впрочем, пока – забавный идиотизм! Вряд ли кино окажется интереснее – почти миролюбиво рассудила я и спрятала нож в сумку. Вынуть всегда успею, но пока ведь никто не нападает, все тихо и благолепно, как в раю, даже птички, примолкшие было по поводу моего «визита», снова расщебетались, кузнечики стрекочут как заведенные, шмели жужжат. Красота, курортная зона! Вдохнув полной грудью свежий, полный ароматов трав, цветов, леса и спелой малины воздух, я улыбнулась. Ну странно все происшедшее, так и что с того? В истерике биться? Так ведь странно – не значит плохо или страшно. Если у меня неожиданные глюки от пестицидной редиски – надо расслабиться и получать удовольствие, а если меня и в самом деле в какие-то теплые края перебросили, тем паче здорово!

Я ведь давно мечтала о жарком лете, солнце и зелени. Начало весны только манит обещанием тепла, но настоящего зноя еще ждать и ждать, а тут – все прелести жизни в один момент, словно по заказу. Как там проклинаят на загадочном Востоке? «Жить тебе в эпоху перемен!» А еще есть другое недоброе напутствие: «Пусть твои желания осуществляются». Так вот, пока ничего плохого в «сбыче мечт» я разглядеть не могла, может, потом проникнусь и соглашусь с мудрыми узкоглазыми гуру, а пока как же здорово! Ждать здесь, в мирном разнотравье, куда лучше, чем, к примеру, на Северном полюсе, у кратера вулкана или барахтаясь в океанской бездне.

Вот только интересно, за мной вернутся, как обещали, или эти ненормальные вообще позабудут, если не обо мне, так о том, куда меня кинули. Вдруг у них внимание рассеянное, как у белок, или еще чего из области психиатрии? Нет, заботу о себе посторонним людям доверять нельзя... Кроме того, есть мысль, что беседовали со мной вообще не люди, а... а кто? А хрен его знает. Ну и ладно! Пока неважно! Пожалуй, надо провести проверку местности. Нет ли тут еще и речки с песчаным пляжем? С прошлого лета не плавала... Размышляя, я машинально отдирала кору с выбранного в траве сухого длинного сучка. Приняв решение, не задумываясь поднялась на ноги и зашвырнула палку в ближайшие кусты, кажется, это был благоуханный малинник.

– О-уо, – явно прозвенел вопль боли, только уж больно тоненький, даже для ребенка.

Я вздрогнула и нахально скомандовала, пытаясь сразу показать, кто в доме хозяин:

– А ну вылезай, шпион!

– Сию секунду, прекрасная магева, только не кидайся больше! – На полянку влетело, явно заваливаясь на один бок, удивительное создание размером с мою ладонь. Смесь чловека с мотыльком, крылышки радужные и легкие, сам тонкий, изящный.

«Вот так фигня! Одно ясно, у нас в парках такие не водятся, – отстраненно подумала я, созерцая местного представителя отряда чешуекрылых. – Ты, Ксюха, влипла куда-то по-настоящему!»

Наблюдатель закрыл ладошкой правую сторону лица, на которой наливался и распухал прямо на глазах сочный синяк.

– Ох, бедолага, это я, что ль, тебя так приложила?

– Прекрасная магева необычайно проворна, – пожаловался мотылек.

– Холодненького чего приложить, компресс сделать, – посоветовала, шаря в карманах в поисках платка. – Тут ручей какой-нибудь имеется, чтобы тряпочку смочить и компресс сделать?

– Есть, – всхлипнуло создание. – Там, налево, с пригорка только спуститься.

– Показывай, – скомандовала, подставив мотыльку раскрытую ладонь. Тот недоверчиво зыркнул зелеными кошачьими глазищами, но все-таки уселся, легким касанием щекоча кожу, такой теплый и волшеббно-живой.

Мне стало стыдно за свой случайный меткий удар. Продравшись через кусты, спустилась к полноводному ручью, смочила платок, поднесла его на ладони к сидящему пареньку и велела:

– Прикладывай к ушибу мокрую ткань, может, и синяка не останется, мы вовремя спохватились.

Постанывая, мотылек послушно следовал моему совету, прижимал к лицу то одну сторону мокрого платка, то другую, а я разглядывала его, и мысли скакали, как белки по деревьям. Ручаюсь, этот мир – не мой, то есть не мой родной. На Земле такие создания точно не водятся. А значит, все еще более увлекательно, чем представлялось вначале! Пожалуй, той отмороженной парочке, которая меня утянула из дома, при встрече следует сказать спасибо... Кстати, о курортных перспективах подумаем потом, сейчас важно другое: если тут такие мотыльки летают, может, и магия имеется. А если она имеется, значит, я могла бы проверить, как тут действуют руны, которые я столь прилежно и тщательно изучала на Земле на протяжении нескольких лет. (Насколько прилежно, насколько при своей беспечности и легкомыслии я вообще была способна что-то делать.) На фи́га ко́зе бая́н? Да из чистого интереса к жалким остаткам волшебства, уцелевшим в мире. Вот, например, смогла бы я исцелить это создание, как пробовала врачевать в своем мире синяки (кстати, иногда получалось неплохо!). Сразу вспомнила йод, ватную палочку и старательно выписываемые коричневые рунные знаки... Да, если в этого худосочного мотыля палочкой потыкать... Так и вообще до смерти забить можно... А вот если попробовать представить нужную комбинацию мысленно? ...Как там полагается: УРУС – жизненная сила, ЙЕР – сила земли, СОУЛУ – энергия солнца. Комплекс для врачевания недугов... Знаки запылали у меня перед глазами: *урус* красным, *йер* – зеленым и коричневым, как спелая пшеница, а *соулу* – ослепительным золотом. Триаду знаков я аккуратно совместила с раздутой мордочкой моего больного, в очередной раз склонившего голову на прохладную сторону влажного платка. Тот вздрогнул, вздохнул облегченно и недоверчиво: его лицо стремительно приобрело прежние формы.

– О, прекрасная магева, твое колдовство действует! Никогда бы не подумал, что «компресс» – такое сильное заклятие!

– Я тоже, – хмыкнула я, выжимая платок над текущей водой, в которой рябило мое отражение – симпатичная девчонка с рыжими волосами, россыпью веснушек на вздернутом носу и ореховыми, а если правильно подсветить, то почти зелеными глазами. Вот в этом ручье мои радужки так и вовсе изумрудами сверкали, хороший ручей, зеркало бы такое. – Ну раз ты полностью здоров, – мотылек довольно закивал, расплываясь в улыбке, – давай познакомимся, а заодно объяснишь, зачем за мной шпионил.

– Я лакомился восхитительной лесной малиной у самого края поляны, на солнце она особенно вкусна, солнечным светом напитана, – объяснил порхающий человечек, – а тут вы, о прекрасная магева.

– Как ты меня называешь? Что еще за магева? – переспросила я, усаживаясь на бережку ручейка на большой камень под размер афедрона (это в Греции, мне один шибко умный парень рассказывал, так зад называли). Задумчиво глянула на платок, а не подсушить ли его магией, в конце концов, *кано* – руна огня, известна, или не рисковать, чтобы не спалить весь лес? – все-таки решила эксперимент отложить.

– Вы дама, владеющая колдовской силой, женщина-маг, стало быть, магева, – как что-то само собой разумеющееся сообщил малец, пожимая плечиками так задорно, точно цыганочку с выходом собрался танцевать.

– Ясно, – уразумела я.

– А посему я предпочел для начала скрыться, вы же обнаружили меня и покарали за догляд. Приношу свои извинения. – Мотылек отвесил церемонный поклон.

– Замяли, любопытство не порок, – спрятав отжатый платок в карман, отмахнулась я свободной рукой, на второй, как на диване, все еще возился мотылек. – Меня зовут Оксана Рой.

– Высокая честь, ты представилась первой. – На подвижной мордочке, несмотря на ее размер, можно было разглядеть все движения души, сейчас на ней было написано почти шоковое удивление. – Но истинное имя магевы не для простых разговоров...

– Друзья-приятели Осой называют, поскольку на язык я острая, – подумав, ответила ему. – Можешь и ты звать, коль в здешних краях магам псевдонимы положены.

Похоже, малютку это предложение вполне устроило. Он кивнул и в свою очередь заявил:

– Меня, о магева, именуют Селвин йе Индоль ка Фалькоран...

Еще с минуту новый знакомый продолжал перечисление каких-то зубодробительных имен, так что я, парадоксально быстро запоминающая самые заковыристые названия, безнадежно запуталась. Закончив, мотылек вновь изобразил придворный поклон, ну точь-в-точь герой-любовник из какого-нибудь исторического фильма.

– Очень приятно, – пробормотала я и попросила: – А покороче тебя как-нибудь можно называть, дружок?

– Фаль, о прекрасная магева, – урезал марш малыш.

– Слушай, а кто ты есть по... – мозг быстро перебрал параметры: национальность, раса, народ, вид... – из какого народа?

– Дух воздуха, сильф, – с немалым удивлением пояснил собеседник. – Ты разве не знаешь, Оса? – Почему-то знакомец, именуя меня, сделал ударение на первый слог, но я не стала поправлять, может, так на местный лад лучше звучит.

– Там, откуда я родом, такие, как ты, не водятся, хотя ходят про вас разные сказки, но в моих краях подобных существ именуют эльфами.

– Этими верзилами, – пренебрежительно зафыркал Фаль и расхохотался, повалившись на спину и задрыв ногami, крылышки забились так, что, боясь я щекотки, непременно сбросила бы его в ручей.

– С этим тоже пока ясно, – кивнула я и снова задумалась о перспективах.

Итак, если это мир магический и, судя по всему, не особенно развитый, воздух уж больно свеж и чист, какие из моих умений здесь пригодятся, чтобы выжить? Из единоборств знаю только сто первый прием – изматывание противника бегом, да и то надолго меня не хватит, никакой полезной технической информации в памяти не храню, химию и иные науки всегда недолюбливала, так что на дивиденды от изобретений нос можно не раскатывать. Сказок, по-здешнему, наверное, легенд, знаю много, но что от этого толку, если пока под

местный колорит их подогнать не могу? Никакими навыками следопытов-разведчиков не обладаю. Вон в ручье столько рыбы, так хвостами и бьет, зараза, но сначала попробуй поймай. А потом не сырьем же ее лопать без соли или руной *кано* огонь разжигать? Да, в целом плюс пока один – руны работают, а значит, как-нибудь выкручусь.

– Ну ладно, Фаль, – резюмировала, прихватив шмотки, и, поднявшись на ноги, предложила. – Давай, что ли, к малине вернемся.

За совместной трапезой можно многое выудить из болтливой мотылька (как-то язык не поворачивался называть его духом, созданием бесплотным и возвышенным). Такой подход к делу сильфу пришелся по вкусу. Мы вернулись к краю полянки и принялись с энтузиазмом обдирать россыпь спелых ягод с кустов. Когда еще поесть доведется – неизвестно, так что перекусить не вредно будет.

– А с какой целью, магева Оса, – спросил порхающий приятель, – прибыли в Лиомастрию?

– Понятия не имею, меня тут оставили, а почему и зачем, никто не объяснил, – пожалала плечами, сунув в рот горсть малины. – Так что можно сказать, я в свободном полете.

– А... – Мотылек слопал еще пяток ягод (как только они в него влезли?), робко перепорхнул ближе к моему уху и, набрав в грудь воздуха, выпалил: – Могу ли я путешествовать с тобой, о, Оса?

Масштабы любопытства моего нового приятеля, как и его непомерный аппетит, явно не соответствовали размерам тщедушного тела. Впрочем, тело, хоть и маленькое, было вполне справным и милым, личико очень симпатичным: золотисто-рыжие, очень яркие вьющиеся волосы, веснушки, сияющие зеленые глазки вполлица, а уж от переливающихся на солнце крыльев и вовсе глаз было не оторвать.

– Пойдем, – беспечно пожалала плечами. Местный, хоть и мелкий, все лучше, чем ничего.

Накушавшись, закинула на плечо куртку и сумку, Фаль устроился на свободном плече и стал облизывать красную от ягод физиономию и ладошки. Язычок мелькал быстро, как у кошки, да и глаза поблескивали точно так же, лениво-настороженно.

– На дорогу в какую сторону? – уточнила я.

– Налево. – Сильф махнул рукой в нужном направлении.

Через семь минут, следуя указке проводника, выбралась на самую обычную деревенскую дорогу, только что в колеях не было отпечатков шин. Поле колыхалось начинавшими поспевать зерновыми, рожь ли, пшеница, не знаю, не сельская девочка, а ботанику, как уже упоминала, забыла. Было довольно жарко, навскидку – градусов двадцать пять. Черная куртка на плече моментально раскалилась. Да, легкий ветерок не помешал бы, однако вызывать его пока погодим, вдруг бурю наколдую? Так меня же эти сеятеля из-под земли достанут, чтоб «спасибо» сказать. Я бы на их месте точно достала, такое поле засеять, и чтоб потом все труды прахом пошли из-за какой-то экспериментаторши недоученной? Магева там я или не магева, а пока телепортироваться не умею и бегаю плохо, лучше ничего не творить. Кроме того, ошпаренных меньше, чем обмороженных, и кто-то совсем недавно мечтал о тепле. Получила, вот и наслаждайся, не сетуй!

– Жарко, – вздохнула я и, поглядев на пыльную обочину, в очередной раз мысленно порадовалась, что тапки на мне оказались не совсем чтобы домашние, а так, что-то вроде теннисок из плотного текстиля. Во всяком случае, по сухой дороге идти можно. Но в дождь было бы хреново. – Надо какую-то обувь поудобнее раздобыть на случай ненастья.

– Большое село недалеко, там несколько лавок есть, – снова дал своевременную справку Фаль.

– Неужто за покупками летал? – удивилась я произвольно.

– Нет, – нимало не смутился дух, – в одной лавке сладостями торгуют, вкусны-ы-е... но обувь людскую тоже видел, в соседней.

– Ясно, – ухмыльнулась я понятиво. Маленький любопытный воришка нравился мне все больше и больше, бывает же так, что к кому-то чувствуешь симпатию против воли, а не за то, что благородный, добрый и так далее. Рядом с благородными и самой как-то не всегда удобно бывает, сравниваешь, и чувство неполноценности возникает. – Денег у меня местных, правда, нет, но поглядим, может, удастся заработать.

Скрип приближающейся телеги отвлек от беседы.

– Не подвезти ли тебя, магева? – прогудел густым басом знатно бородатый, кряжистый возчик в нарядной светло-синей рубашке с косым воротом и серых штанах на кожаном поясе.

– Ты-то, понятно, дружок, все с ходу сечешь, но почему он меня так обозвал? – задумчиво обратилась я к духу.

– Так ты ж по дороге идешь пустой и с кем-то беседуешь, да и одежда на тебе странная, все маги, да и магевы, так одежду выбрать стараются, чтоб ни на кого похоже не было, – пожал плечами Фаль. – Вот и чувствуют вас люди.

– Это что выходит, тебя они не видят? – осенило меня.

– Ну да, Оса, – согласился мотылек. – Для тонкого мира глаз особый нужен.

– Подвези, – обернулась я к придерживающему смирную лошадку широкоплечему вознице, который дожидался конца нашего диалога, и забралась на телегу. Все тапки целее будут, да и по дороге такой лучше ехать, чем идти, не авто на бензине, не укачает.

– Я Оса, – представилась опять первой, воспользовавшись новым псевдонимом.

– Торин, почтенная магева, – отозвался мужик, покосившись на меня из-под кустистых бровей.

– Из гномов, что ли? – почему-то первым делом вырвался у меня вопрос.

– Да, были в роду, – гордо согласился мужчина, приосанившись. – Надолго в наши края?

– Еще не знаю, – пожала плечами, – как карта ляжет. А что, так любопытствуешь или интерес есть?

– Давно не забредали, а в магах всегда нужда сыщется, – подтвердил возчик, – если б подмогла чуток, мы б по совести отблагодарили, как заведено!

– Договоримся, – думая о сапогах или каких-нибудь ботинках, охотно согласилась я.

Как раз в тот момент телега подпрыгнула и ударилась колесом о массивный камень, раздался какой-то нехороший треск, и, соскочив с оси, колесо во всю прыть устремилось в ближайшие сочные заросли. Что-то чавкнуло. Лошадь повернула голову, покосилась на сломанную телегу и совершенно по-человечески вздохнула.

– Н-да, запаски, как я понимаю, у тебя нет, – констатировала, соскакивая с заваливающегося на бок средства передвижения.

– А ведь проверял, как от шурина ехать, – охнул мужик, дернув себя за бороду, – что ж теперь делать?

– Доставать! – пожала я плечами.

– Так болото же, – жалобно протянул потомок гномов и с надеждой уставился на меня, – а может, ты, того, поволшебствуешь малость, я в долгу не останусь!

Где-то читала, что плотность тела у гномов куда выше человеческой, потому и жрут они больше и плавают, как топор, в смысле, бултых – и на дне. Читала, конечно, в сказках, но рациональное зерно в рассуждениях авторов, никогда не видевших гномов воочию, похоже, было. Во всяком случае, мой осмотнительный возница был готов тащить на себе телегу и лошадь, только бы не соваться в болото. Я же, хоть и умела неплохо плавать, заниматься этим в болоте никогда не пробовала и пробовать не собиралась (впечатлительной девушке запали в душу мещерские рассказы). Словом, тонуть в болоте во цвете лет никакого резона не было, а вот если... Что ж, назвалась магевой, давай, волшебствуй!

– У тебя веревка прочная есть? – спросила я.

– Вот. – Изрядный моток весьма добротной на вид бечевы, извлеченный из каких-то мешочков, был тут же с готовностью предъявлен мне.

– Отлично! – обрадовалась находке. – Фаль, дружок, поможешь?

– Чем? Я колеса не уволоку! – заканючил дух.

– Да и не надо, веревку к нему привяжи, только попрочнее, а мы уж вытянем!

– Так можно! Узлы люблю вязать! – оживился, почуяв забаву, малютка.

Конец веревки я торжественно вручила сильфу и начала аккуратно разматывать моток. Фаль опоясался бечевой и исчез в осоках и тростниках. Кажется, тут и впрямь знатное болото. Торин с благоговением наблюдал за нашими манипуляциями, шепча в бороду:

– Эвон как! Надо ж...

– Готово! – Дух быстро вернулся и завис перед моим лицом, рапортуя так гордо, что только руку к голове оставалось приставить, отдавая честь.

– Спасибо, дружок, – поблагодарила я и велела, всучив конец бечевы в опасливо протянутые руки крестьянина: – Тяни! Вызволяй свое колесо!

Торин крикнул и дернул что было сил. Что-то звучно чавкнуло, и колесо выпрыгнуло из осоки, разбрызгивая воду (ладно хоть не грязь!). Возчик осмотрел возвращенное имущество и за несколько минут, пока мы с Фалем изучали окрестности болота, сумел присобачить его назад, закрепив каким-то макарон, чтоб до деревни додюжило.

Мы снова заняли свои места и минут за пятнадцать, под речь Торины, ровно гудящего хвалу моим выдающимся способностям, добрались до села. Ничего, ладные домишки, бревенчатые. Фундаменты даже кое-где каменные, кровля глиняная – черепица, встречаются бревенчатые скаты; живность сытая, довольная, куры носятся, гуси гогочут, козы блеют. Да и народец, что глазами телегу провожает, отнюдь не худой. Может, и правда сапоги здесь купить удастся.

– Как село-то зовется? – поинтересовалась я лениво.

– Большие Кочки, – отозвался Торин.

– За что ж его так? – удивилась я. – Вроде местность не болотистая?

– Да камни стояли крупные, только в стороне, где теперь Малые Кочки, их груды поменьше были, вот и... – Потомок гномов пожал плечами.

– Понятно, – успела я кивнуть до того, как дикий визг прервал наши этимологические изыскания.

Визжали трое: две толстые бабы и одна свинья. Деревенский народ, заслышав вопли, начал подтягиваться на бесплатное представление. Торин притормозил.

– Что за шум, а драки нету? – довольно громко поинтересовалась я.

Визг и вопли готовых выдрать друг у друга волосы баб моментально стихли, головы повернулись ко мне.

– Магева, магева, магева... – прошелестело по толпе.

Сдобные деревенские бабенки, по сравнению с которыми я ощутила себя недокормленным дистрофиком, приблизились к плетню, отделявшему огород от улицы, и неловко поклонились. Свинья, ясное дело, кланяться не стала.

– Говори, – кивком головы я указала на ту, что справа.

– Свинья ее проклятая через забор подрывается и все ко мне норовит забраться, всю капусту попортила, – отчиталась бабенка, красная от досады и праведного гнева.

Н-да, кажется, я тут нежданно-негаданно оказалась авторитетом и судией. Вот так влипла, и чего делать? Я ж не Соломон, да и рубить бедную свинку напополам чего-то совершенно не хочется.

– Ты? – Я указала на обвиняемую.

– Та что ж я, виновна, коль Марынька такая шустрая, уж и запираю ее, а она все подроется, и прысь к Феоклине, – протянула баба.

– У тебя что, капуста, что ль, вкуснее? – хмыкнула я.

– Да не, – заулыбалась Феоклина, словно ей сказали какой-то несусветный комплимент. – Свинки у меня в загончике рядом, из помета одного с Марынькой, вот она «на хрюк» и роет, другие-то от Катарины ко мне не лезут. Только эта škода...

Обвиняемая Марынька согласно подвизгнула, дернула хвостиком, лихо закрученным в кольцо.

– И часто залезает?

– А почитай каждый день, – безнадежно вздохнула Катарина, махнув рукой.

Народ, уже давно, видать, следивший за свиной историей и превративший ее в бесконечный анекдот, блуждающий по селу, захихикал.

– Стало быть, из-за одной свиньи, прорывающейся к родне, вы, две подружки, вконец рассориться собрались? – Я покачала головой. – Или решили, коль свинья так по-человечески себя ведет, сами по-свински поступать будете? – добавила задумчиво.

Бабы покраснели, виновато посмотрели друг на друга, а потом и на свинью раздора. Упрямая свинка вздернула к небу пяточок.

– Да разберитесь вы с ней, бабоньки, – попросила я, – ну хоть кормите ее сообща, патриотку, или вовсе к родне переселите, потом мясо поровну поделите, а если на опорос оставили, так свинок. Неужто договориться не сможете?

– Хорошо, магева, сможем, спасибо, – поклонились мне спорщицы, расплываясь в довольных улыбках, словно я им открыла великую истину, и, обнявшись, неожиданно заревели друг у друга на плече, подвывая: «Феоклина, прости меня, дуру! Нет, Катарина, это ты прости!!!» Свинка поглядела на своих хозяек и бочком-бочком попятилась в сторону плетня, разделявшего участки подруг, а потом нырнула в дыру.

– Первый раз такое вижу, наших баб с двух слов унять, – изумленно протянул Торин, дернул себя за бороду и машинально тронул вожжи.

Телега погромыхла по центральной деревенской улице. Собравшийся народ медленно двинулся следом, делая вид, что просто так прогуливается или вообще шествует по своим делам, заодно обмениваясь мнением о приезжей магеве.

Честно говоря, только после слов Торины я начала удивляться. С того самого момента когда скомандовала: «Говори», – все происходящее казалось мне самым правильным. Будто я поступала именно так, как должна была поступить, поэтому и все другие тоже поступали правильно и никаких сомнений в моих способностях и праве на суд не выказывали. Такое странное чувство. Никогда раньше у меня такого не было... Я – и вдруг арбитр в деревенской склоке. Ох, ну и чудеса! Пожалуй, даже чудесней этого сильфа, который мне все плечо оттоптал, извертевшись от любопытства, маленький, а такой тяжелый, на диету его посадить, что ли?

– Почтенная магева, – неуверенно откашлялся потомок горных гномов, бросив на меня из-за плеча какой-то просительный взгляд. Никак сейчас кланчить будет. Интересно, что ему надо? Уж больно стесняется, бородавки, что ль, на заднице вывести некому или другая болячка стыдная одолела?

Сгорая от любопытства не меньше своего сильфа, я вежливо кивнула, изъявляя готовность выслушать любое обращение.

– Вы остановиться у нас в Кочках где думаете?... Э-э, я вот тут прикинул, может, соблаговолите моему дому честь оказать?... – Торин смешался и замолчал, так настойчиво теребя в широких ладонях вожжи, словно задумал чего из них спрясть.

– А не стесню вас? – уточнила я, пытаюсь скрыть радость.

Соваться на местный постоялый двор без единой монетки в кармане совсем не хотелось, а использовать сильфа в качестве карманного вора пока не позволяло завалявшееся где-то на дне души чувство порядочности.

– Места у нас много, старшую дочь, Вилану, только замуж отдал, горенку, что она с Полункой делила, освободим, младшая и с матерью поспит. Жена моя, Дорина, готовит знатно, не хуже, чем бабы у Фоклина, трактирщика нашего. Да это ж какой почет – магева в доме... – Торин снова взглянул на меня с жалобной мольбой.

Мужик очень хотел, чтобы я отправилась с ним, и не только по доброте душевной, о статусе бородач думал и о том, что, не сумей он доставить волшебницу к себе домой, его дорогая половина будет не слишком довольна. Когда Торин помянул жену, стало ясно, гордится он ею, любит и побаивается. Это гном-то поперек себя шире. «Ну да, мы, женщины, народ такой, не только обворожить, но и застрашать любого сумеем!» – самодовольно подумала я и согласилась погостить у Торины.

Обрадованный возница погнал телегу вперед с такой скоростью, будто желал выставить ее на «Формулу-1», сильф, беспечно болтающий ногами у меня на плече, едва не упал. Фаль машинально схватился за прядь моих волос цепкой ручонкой, и я зашипела от боли.

– А магева с фималом и вовсе для жилья благословение, – довольно прибавил повеселевший мужик и принялся разливать соловьем на тему того, какие уют и комфорт меня поджидают.

– Это как он меня, вольного сильфа, обозвал! – подпрыгивая на плече, завопил мне на ухо Фаль – так, что на пару секунд я вообще оглохла на одно ухо, зато продолжала слышать его негодующий вопль другим. – Меня – и слугой? Я... я ничем не связан, в любой момент могу тебя покинуть!

– Можешь прямо сейчас, – прошептала я, щелчком скинув разбушевавшегося мотылька на телегу. – Половину волос с головы выдрал и оглушил начисто!

Мигом придя в себя, шкодник заткнулся и, трепеща удивительной красоты крылышками, завис перед моим лицом, виновато взмахивая длиннющими ресницами. Интересно, Фаль среди сильфов один такой плейбой на сотню или они все красивые? А может, все дело в том, что мотылек так мал, что я не вижу на его лице никаких дефектов? Да нет, таких сияющих глазищ у людей все равно не бывает.

– Прости, о, прекрасная магева Оса! Я не желал оскорбить тебя, – защебетал негодник, переходя на возвышенный стиль. – Вельми возмутил меня сей неуч, спутавший сильфа с подневольным служителем, повязанным заклятием.

Зеленые, чуть раскосые глаза стали еще более широкими и такими проникновенно-печальными, что я почти расчувствовалась. Ну точь-в-точь «умирающий с голоду котенок», выпрашивающий у черствого человека кус дорожной ветчины сразу после того, как смолотил миску вареной курятины. Фыркнув, я протянула Фалю раскрытую ладонь, и он, хитрюга, тут же, разулыбавшись до ушей, уселся на ней.

Пока мы тихо препирались с сильфом, выясняя вопросы главенства в нашем маленьком прайде, счастливый Торин подогнал телегу к широко раскрытым воротам, украшенным нехитрой, сделанной с душой и любовью резьбой.

Глава 2

Деревенские истории, или «Скорая рунная помощь»

По чисто выметенному двору от большого бревенчатого дома шла высокая, на полторы головы выше гнома, русоволосая статная женщина из тех, при одном взгляде на которых вспоминаются некрасовские строки про коней и горящие избы. Серое платье с квадратным, весьма скромным вырезом на груди, прикрытым белой рубашкой, обрисовывало впечатляющую фигуру.

Лохматущий черно-серый пятнистый пес габаритами с хорошего теленка первым учуял и приветствовал хозяина залиvistым басовитым лаем. Да уж, при таком страже и ворота можно хоть на всю ночь открытыми оставлять, тогда зверушку кормить не надо будет, во всяком случае, первое время, пока воры не поумнеют, а потом уже по ночам с цепи на поиски харчей спускать.

– Дорина, солнышко, вот я и дома, – бодро протрубил Торин, направляя повозку в раскрытые ворота. – Гостинцев от шурина привез! И... – Гном повернул голову в мою сторону, только договорить не успел.

Дверь дома шарахнула с такой силой, что пес поперхнулся очередным «гав», а Фаль икнул и едва не сверзился с любимого насеста – моего плеча. На двор, радостно вереща и эгегейкая, вылетела парочка – девчонка и парень, застрявшие где-то посередине между возрастными градациями «подросток» и «юнец». С ликующими воплями: «Папка! Батяня!» эти двое повисли на родителе как мелкие, но очень упорные охотничьи собаки на матером медведе. Можно подумать, Торин у шурина с полгода гостил, не меньше. Или просто они отца любят. Случается, такие строгие на вид, основательные мужики детей балуют почище мамки.

Дорина перебрosiла толстую русую косу с два моих запястья, никак не меньше, на спину и лебедью поплыла к телеге, снисходительно улыбаясь детям, мужу, лошади и окидывая меня задумчивым взглядом. Надо бы узнать, чем в здешней деревне бабы головы моют, а то мой вполне пушистый хвостик по сравнению с ее косицей выглядит как-то обтрепанно и жалко.

Крякнув, Торин высвободился из цепких рук детишек, расцеловал в обе щеки обнявшую его жену и все-таки закончил:

– Почтенную магеvu Осу в дороге на счастье свое встретил! Кабы не она, до вечера в село не добрался бы. Колесо возьми и соскочи аккуратно у Курячьей Завероти, да в нее и ухнуло...

На протяжении всего героического повествования супруга Дорина продолжала хранить на устах улыбку, только соболиные брови (впервые такие густые увидела, что и впрямь соболиными не грех назвать) чуть сдвинулись к переносице. Что-то мне подсказало: с Торины еще сурово спросят насчет колеса и того, в каком состоянии он управлял телегой, как запрягал и что на грудь принял, от шурина выезжая. Да, скалка или ухват в руках женщины – оружие массового поражения, я почти сочувствовала мужику, но только – почти, сама ведь девушка, так что надо проявить и женскую солидарность. Кажется, гному пришла в голову та же мысль, что и мне (насчет ухвата), но он, мечтатель, все еще надеялся задобрить жену прибывшей на постой магеvой.

Мне грозная супруга Торины улыбнулась почти ласково и вполне гостеприимно, повела рукой в сторону крыльца и промолвила:

– Милости прошу, почтенная магева, в дом! Как раз к обеду успели, чем богаты, откушайте! Олесь окушков с утрца принес знатных, рыбкой попотчuem, в сметане притомившейся, да ущицей! Дети, на стол собирайте!

Вылупившихся на настоящую магеvu и уже было распахнувших рот для вопросов недорослей как ветром сдуло. Только мелькнули края сарафана, рубашки, широких штанов и две пары босых пяток да дверь шмякнулась о косяк, но уже тише. Привычный пес и ухом не повел.

– Рыба – это здорово! – расплылась я в улыбке. Воспоминания о малине уже успели выветриться из желудка, и организм настойчиво сигнализировал хозяйке о необходимости регулярного питания. И вообще, на малинной диете перебиваясь, гастрит заработать недолго!

Одной рукой Дорина разом прихватила с телеги все узелки с гостинцами, я забрала куртку, сумочку и вошла вслед за хозяйкой в дом. Торин же остался загонять «авто» в сарай и распрягать лошадь. Чистые сени, благоухающие связками подсохших травок, болтающимися у потолка (я только мяту да зверобой распознать сумела), вели в горницу. Подслеповатые окошки из толстеного стекла, судя по горделивому взгляду хозяйки, были тут последним писком моды. Да, кажется, раньше стекол вообще не делали, тем более в деревнях: бычьими пузырями, слюдой или кварцем обходились. Мне-то куда больше жутких окошек понравились нарядно расшитые занавески да навощенное дерево лавок, стола, полка с расписной посудой у печи, пестрые плетеные половички под ногами – настоящая этника, не подделка. Вот это бы и у нас для фазенды за крутизну сошло. И вообще, до чего же здорово пахнет травками, воском, деревом! Никакой сырости, как в убогих деревенских халупах, и даже запахок навоза с заднего двора в комнаты заползть боится. Плещась у рукомойника, я твердо решила: если б в таком домике еще были канализация, горячая вода и электричество – навсегда согласилась бы поселиться. Расшитое по краю какими-то птицами, вроде наших гусей, полотенце легко впитало в себя влагу, не то что наша синтетика. Фаль, пока я мыла руки, тоже пару раз нырнул под струю воды, но вытираться не стал, встряхнул крылышками, и брызги разлетелись во все стороны.

Дорина посадила меня на почетное место во главе стола – рядом с чугуном, благоухающим рыбным супом из настоящей рыбы, а не из консервов, какой обычно наскоро я гоношила себе, экономя время и деньги. Чада и домочадцы быстро расселись: юркнули на свои места ребятишки, чинно опустилсЯ хозяин дома, хозяйка разлила суп и тоже присела на лавку.

Глиняная тарелка, расписанная чуть кривоватыми колокольчиками по ободу, щедро наполнилась супом до краев. Прежде чем я успела вякнуть, что столько ему не съесть, он еще маленький, Фаль хищно облизнулся. Да уж, пожалуй, лучше не торопиться с выводами, при неумном аппетите сИльфа хорошо если нам не придется просить добавки.

Я осторожно отправила в рот первую ложку, по этому знаку вся семья приступила к еде. Фаль слетел с моей руки и присосался к нашей тарелке, зависнув, как колибри над цветком.

«Если бы, – подумала я, следя за быстро понижающимся уровнем супа, – колибри жрали столько, сколько мой мотылек, они бы от ожирения не то что летать, ползать не смогли бы».

Тушеную в сметане рыбу и пареные овощи, чем-то похожие на репу и картошку одновременно, Фаль ел с не меньшим энтузиазмом, чем суп, впрочем, негодник все-таки оставлял мне достаточно для того, чтобы ближе к концу трапезы я чувствовала себя предельно сытой.

Олесь и Полунка так вылупились на стремительно исчезающую из моей миски еду, что почти забыли об обеде и о распоряжении матери не лезть к магеve с вопросами. Паренек не вытерпел первым и спросил громким шепотом, когда Дорина отошла к печи за медовыми пирогами:

– Госпожа магева, а что это оно у вас так – само? А?

Пожалев умирающих от любопытства, слепых к магическим сущностям ребятишек, я пояснила:

– Нет. Само по себе ничего в мире никогда не происходит. Все, парень, имеет и причину и следствие. Еда не исчезает бесследно, она умещается в животе моего волшебного приятеля. А вот как в него все это влезает, – я развела руками, – не знаю!

Совершенно очарованные подростки захихикали, а девчушка спросила:

– И много ваш спутник съесть может?

– Не проверяла, – улыбнулась детям в ответ и подмигнула. – Такого количества еды у меня под рукой пока не находилось.

– Ну что ты смеешься, о, Оса?! – оторвавшись от тушеной рыбки, укорил меня оскорбленный Фаль, обсасывая косточку. – Когда же стоит есть, как не тогда, когда еда вкусна и ее предлагают от всего сердца?

– Уел, – тихо скаламбурила я, потянув носом аромат ягодного пирога. Сильф тоже перестал вещать о своем скромном по меркам народа духов аппетите и сделал стойку на десерт.

Впрочем, и мой нос непроизвольно задвигался. Не часто доводится есть сдобу сразу из печи, а та халтурка, которая в супермаркетах творится из скороспелого теста – не в счет, вот Фаль ее небось и есть не стал бы, а если бы сожрал от любопытства, в мире стало бы одним сильфом меньше.

Пироги не только пахли одуряюще, они – пышные да сдобные – еще и таяли во рту. Чистая амброзия! Благо мой желудок всегда спокойно относился к соседству рыбы с напитками животного происхождения, поэтому запивала я сладкое парным молоком. Вкус, знакомый по детству в деревне!

Домашние Дорины, пусть и избалованные стряпней хозяйки, тоже лопали с аппетитом, однако успевали еще и вопросы задавать. Переважив парочку моих ответов насчет незримого помощника, Полунка спросила, поерзав на скамье:

– А какой он, ваш спутник?

Я подавила проказливое желание пошутить, брякнув: «Большой и толстый, потому как в еде меры не знает!» – такого предательства самолюбивый мотылек точно мне не простил бы, и важно изрекла:

– Он сияющий, изящный, очень красивый.

– Полуника, нам нельзя такие вопросы задавать! – строго промолвила Дорина и попросила меня, почти загнав дочь, а заодно и шустрого сына, под стол суровым взглядом: – Вы уж простите ее, магева Оса, несмышленную, совсем ума лишилась, о волшбе расспрашивать стала!

Я только кивнула, принимая извинения, сама же слушала Фаля, гордо напыжившегося после комплимента. Мотылек воспарил к моему лицу и гордо затарахтел, трепеща радужными крылышками:

– Кто красивый, изящный и сияющий? Я? Да, я такой! Я самый красивый, изящный и сияющий из всех сильфов! Тебе, магева Оса, очень повезло!

Видно было, что Фалю безумно приятно слышать о себе такие слова. Прежде чем вернуться к пирогу с вишней, он даже потерялся крылышками о мою щеку.

Все хорошее, а тем более вкусное, рано или поздно заканчивается. Эту аксиому я усвоила с детства, а потому не слишком огорчилась, когда не без усердной помощи сильфа ягодные пироги кончились скорее рано, чем поздно, и обед подошел к концу. Дорина осталась убирать со стола вместе с Олесем, а Торин и Полунка, именуемая Полуникой лишь в минуты материнского недовольства, провели меня в комнату девчушки. Из горницы дверь вела в небольшой коридорчик с тремя дверями. В просторном доме Торина нашлось место и для родительской комнаты, и для отдельных комнат паренька и девушек. На широкую ногу жили здешние селяне.

Я не стала корчить из себя всемогущую избалованную стерву и вежливо убедила гостеприимных хозяев, что прекрасно умещусь в одной комнате с Полункой, ведь мы обе, скажем прямо, не такие уж и толстые. Может, моему имиджу всемогущей чародейки это и повредило, зато я чувствовала, что поступаю правильно. Мне всегда было наплевать на то, что подумает кто-то, самым главным я считала собственное удобство, не комфорт (хотя он тоже приветствуется, я ведь не аскетка), а именно внутреннее удобство, которое совсем не всегда совпадает с внешним. Вот такая я бракованная, но и пусть, зато так жить куда веселее, чем поступать по правилам, писаным и неписаным, в полном соответствии с ожиданиями публики.

Торин смущенно крикнул, но спорить со мной не стал. Зато Полунка едва не лопнула от восторга: шутка ли – ей доведется ночевать вместе с магевой! Оставив хозяина за порогом, мы с девчушкой вошли в комнату. Весьма миленькую, между прочим. Две кровати, сработанные, как похвасталась моя соседка, отцом, пара добротных ларей с одеждой, украшенных нехитрой резьбой, лавка у окошка составляли основную меблировку помещения. Имелось даже нечто вроде туалетного столика со всякой всячиной типа гребешков да простеньких бус и – о чудо! – натертым до блеска медным диском, в котором, если вглядываться старательно, можно было различить смутные и весьма отличные от оригинала очертания собственной физиономии.

Я бросила куртку на ларь, прежде принадлежавший сестре Полунки, и попробовала рукой кровать – а ничего, матрас вполне мягкий. Конечно, не перина, скорее всего конский волос, а вот подушка перьевая. Деревом и травами здесь тоже пахнет, спать на новом месте, если после перемещения из мира в мир мои привычки кардинально не изменились, буду как убитая. Но это позже, а пока белый день на дворе, следует по селу прогуляться, на местный люд поглазеть, а он пусть на меня любит, не жалко. Джинсы последнего фасончика – неширокий клеш, пояс аккурат на талии – натуральная кожа с крупной пряжкой, серая футболка с волчьей мордой, светящейся в темноте, когда еще здешние такую красоту узреть смогут?

Я уже собиралась отчалить, когда Полунка, набравшись храбрости, спросила:

– Почтенная магева, а вы приворожить парня можете?

– Пожалуй, – прикинув имеющиеся в моем распоряжении обретенные силы и набор рун, кивнула я, – только зачем? Магией любви добиваться унижительно, надо на свои силы рассчитывать! Тем паче таким красавицам, как мы с тобой!

Оставив девчушку размышлять над моим великим изречением и отказавшись от напрашивающегося в провожатые Олеса, я отправилась на прогулку, людей посмотреть и себя показать. Фаль поехал со мной, точнее, на мне.

Я покосилась на плечо и в очередной раз задумалась над загадочным сильфовым метаболизмом. Мотылек сожрал побольше моего, что при его росте и комплекции было бы совершенно невозможно, если только... Стало быть, у него процесс обмена веществ устроен волшебным образом. Вся еда мгновенно, минуя традиционную стадию расщепления на белки, жиры и углеводы, преобразуется в иной вид энергии, занимающий куда меньше места, чем поглощенные продукты. Надеюсь, физических отходов этот процесс тоже не предусматривает, а то обгадит мне Фаль футболку, не долетев до ближайшего сортира, – вот сраму почтенной магеве будет. Представив такой поворот дела, я не удержалась и захихикала. Сильф встрепенулся, но объяснять ему причину веселья я не стала.

Послеобеденный променад по селу Большие Кочки мы с Фалем начали с улицы, на которой стоял дом Торина, она же по совместительству являлась чем-то вроде здешнего Бродвея, во всяком случае, отходившие от «центрального проспекта» улочки поменьше были уже и менее многолюдны. Но в целом, как удалось выяснить минут за пятнадцать прогулки, дома в селе выглядели вполне приличными, заборы ровными, видневшиеся из-за них пали-

садники и огороды ухоженными, даже живность здешняя казалась отъезжей и безмятежной. Гулять было приятно, народ хоть и пилился на меня, однако с глупыми вопросами не приставал и общества своего приезжей магеве не навязывал. Однако вся эта сугубо мирная обстановка вполне обыденной деревенской жизни: бабы, идущие по воду, подправляющие забор мужики, судачащие кумушки у околицы, играющие босоногие ребятишки – казалась подозрительно сытой и довольной.

Прямо-таки идеальное село для демонстрации туристам, в отличие от убожества наших деревушек, где мне бывать и жить доводилось, а вот любоваться чем-то, кроме живописных окрестностей, – нет. Кстати, до этих самых окрестностей сначала следовало добраться по деревенским улицам через вековые, глубокие, как болота, лужи жидкой грязищи, почему-то не пересыхающие даже в самую жаркую пору, и через бомбы навоза, щедро оброненные козами да коровами. Типичным же деревенским нарядом сельчан были бесформенные кофты с замусоленными юбками у баб, безвкусно-яркие платья у девиц и вытертые треники, провисшие на коленях, у мужиков. Тут народ, опять-таки, наряжался с куда большим вкусом, в одежды пусть и менее ярких цветов, но гораздо более опрятные.

Наконец в моей душе назрел закономерный вопрос касательно вопиющего несоответствия «отсталой» деревни и наших бывших передовых колхозов.

– Какие все тут спокойные да довольные, неужто так привольно живет, давно ни податей, ни налогов не дерут, на барщину не гоняют? – вслух задумалась я, припоминая отрывочные сведения о бессовестной эксплуатации трудящихся в дремучую эпоху Средневековья.

– А кому драть-то? – лениво болтая ногами, отозвался Фаль, интуитивно уяснив общую суть моего высказывания. – Село, почитай, у самой границы Лиомастрии, эльфийского княжества, или в нем самом, это как поглядеть. Земли до сих пор спорные, от пролитой крови за полтысячелетия не отмоешься. Людей сюда тем и заманивали, что свободу от податей давали на сто лет, только бы селились, а потом обещали лишку не брать. Поначалу переселенцы и нос в лес боялись сунуть, потом осмелели, но далеко по-прежнему не заходят, чтоб со стрелой в глазу на какой-нибудь поляне не остаться навсегда.

– Похвальная осведомленность, приятель, – удивилась я, остановившись у изгороди, густо оплетенной крупными желтыми вьюнками. – Откуда бы у лесного создания столь глубокие знания политической ситуации в ее историческом аспекте?

– Я летаю везде, слышал, что люди болтают, нет, не местные, а те, что в трактире останавливаются, – раскрыл карты сильф, – да и видел, как оно было...

– Сколько ж тебе лет, дружок? – как бы между делом полюбопытствовала я, нюхая золотистые шарики соцветий.

– Еще молод, – почему-то смутился Фаль, – если по-вашему счету мерить, едва за шестую сотню лет перевалило.

– Совсем мальчик, – пошутила я, мотылек же принял мои слова за чистую монету и нехотя согласился, недовольно подмахнув крыльями:

– Ну, да...

– Не переживай, – вспомнив собственные детсадовские обиды, указательным пальцем очень аккуратно коснулась кончика тонкого и удивительно теплого крылышка навязавшегося мне в напарники сильфа, – этот недостаток единственный, про который можно сказать наверняка: с возрастом пройдет.

– И верно. – Фаль приободрился и совершил в зарослях цветов несколько настолько сумасшедших пируэтов, что наши асы-летчики непременно заскрежетали бы зубами от черной зависти.

Насладившись медовым запахом соцветий, чем-то смутно похожих внешне на золотой шар, я продолжила свою неспешную прогулку. На душе было легко и спокойно, удивительно

легко для той необычной ситуации, в которой меня угораздило очутиться. А может быть, именно потому я и не парилась слишком усердно. Когда попадаешь в какую-то знакомую хотя бы теоретически ситуацию, мозги и нервы тут же начинают наперегонки накручивать друг друга, стремясь довести владельца до нервного срыва, и предлагают сценарии дальнейшего развития событий один хуже другого. Это я уже не по детсадовским, а по школьным годам помню распрекрасно, из-за каждого урока, бывало, переживала, пока наконец не научилась давать достойный отпор собственным страхам одной простенькой фразочкой: «А, ну и пусть! Это еще не катастрофа!» А перемещение из мира в мир совершенно выбило почву из-под ног даже у тех ужасов подсознания, какие еще ютились в моей черепушке. Знакомых страхов типа нерешенной задачки или измывающейся над невинным ребенком училки в голове не было, а стихийных бедствий, несчастных случаев, маньяков и тому подобных форс-мажорных обстоятельств я сроду не боялась, скорее наоборот, было жутко интересно: а какое оно все это? Да еще и ощущение абсолютной правильности бытия – пардон за возвышенное выражение – как нахлынуло на меня во время «свинских» разборок с разругавшимися селянками, так и не думало исчезать.

Увлечшись идеей получить первый летний натуральный загар вместо суррогатного из солярия и попутно, слегка (нечего сильно голову грузить) проанализировав свое настроение, я не сразу услышала довольно визгливый, нарастающий с каждой секундой заунывный крик-причитание. То ли были баньши (так, по-моему, где-то в Ирландии призраков, предсказывающих смерть, прозывают), то ли вполне реальная кладбищенская плакальщица, отрабатывающая свои гроши на деревне.

Прямо на меня из-за поворота надвигалась бьющаяся в истерике крупногабаритная бабенка отнюдь не в траурном одеянии: широченной юбке, расшитой алыми маками по подолу, и ярко-красном блузоне, обтягивающем прямо-таки богатырские прелести. «Хорошо, что я не бык! – мелькнула вполне отчетливая мысль. – С такой тореро драться – упаришься».

Баба между тем осознала, что ее заметили, и завывла пуще прежнего, привлекая к себе внимание всех сельчан, любопытствующих насчет моих магевских делишек:

– Магева, благодетельница, не дай пропасть. Сгинуть зореньке моей распрекрасной, красавице ненаглядной! Прогони ее хворь злополучную! У-у-у!..

Кажется, у женщины в семье неприятности, а я ведь не доктор, никакого медицинского образования и в помине нет, всего-то знаний – какую таблетку когда в рот сунуть следует. Да еще неизвестно, чем тут люди болеют. Одна надежда на руны, а отказаться от «вызова на дом» нельзя, какая же я после этого магева буду, если тетку пошлю на три веселых буквы при всем честном народе.

– Пойдем, поглядим на болящую, – решительно объявила клиентке свое решение. – А пока объясни толком, кто и чем болен, как давно, приметы какие особые у болезни?

Крестьянка моментально уняла истерику и уже почти деловито заговорила, шустро устремившись в сторону соседней улочки, к своему дому, пока магеvu не отбил кто-нибудь из соседей, с жадным и опасливым интересом поглядывающих из-за заборов.

– Милана моя занедужила, уж почитай три луны дневного молока нет! Мы ее и похлебкой теплой поили, и Катрику-травницу звали, и на луга самые сочные отдельно от стада деревенского выводили, а все без толку...

– Стоп! – Я потрясла головой и воздела руку. – Так ты о корове говоришь?

– О ней, родимой, – уже завлекая меня через калитку во двор перед весьма опрятным просторным домом с симпатичными белыми наличниками, поддакнула женщина. Шуганув бродящих по двору и лезущих под самые ноги пестрых кур и гусей, бросила недоуменный взгляд на непонятливую волшебницу. – О ком же еще?!

«Так, приехали, – растерянно подумала я, – если человеческий доктор из меня хреновый, ветеринар и вовсе никакой».

Почувяв мои сомнения, Фаль, молча слушавший причитания клиентки, подлетел к самому ушку и зазвенел:

– Оса, соглашайся! Ты эту корову вылечишь!

«Мне бы твою уверенность в собственных силах! Ну да ладно, не попробовав, от ворот поворачивать стыдно. А вдруг и правда получится животину подлечить? Руны-то, они средство универсальное, если на магическое создание действуют, то и на корову смогут!» – попыталась убедить саму себя, пока хозяйка Миланы конвоировала меня в хлев. У охапки свежескошенной травы в единственном занятом стойле среди полудюжины свободных стояла больная и, кося на нас большими печальными глазами с длинными ресницами, меланхолично жевала жвачку. В такт движениям челюстей задумчиво покачивался хвост, отгонявший досужих мух. Пятнистая рыже-черная корова на вид была совершенно здорова, но как провести обследование и выявить причину падения надоев, я не могла ума приложить. Что же, коль позориться, то только перед Фалем и самой собой. Вежливо, но твердо я попросила клиентку покинуть хлев, временно ставший смотровым кабинетом. Бросив на Милану ласковый взгляд, крестьянка пробормотала животине что-то утешительное, почесала лоб между рогов и выплыла:

– Если что понадобится, я туточки, только крикните, почтенная магева!

– Ну? – едва за бабой закрылась дверь, обратилась я к Фалю. – Будь добр, объясни, с чего ты так во мне уверен, приятель?

– Милана здорова, – чуть смущенно, впрочем, не без веселья, пояснил силф, вспархивая на правый коровий рог, – а молоко у нее вкуснее, чем у любой коровы в деревне: жирное, сладкое, ароматное! – Фаль даже облизнулся и прижмурил глаза. – Вот я и лакомился! Как ни следили за коровой, все равно свою долю получал. Теперь же с тобой ухажу, поэтому все молоко хозяева сами доить будут.

– Понятно, – улыбнулась я прохоже, подумав, поклонявила палец, нарисовала на лбу смирной Миланы руну *феху*, ответственную за увеличение стад и достаток. Удивительно, но знак, прорисованный мною на рыжей шерсти, на секунду просиял оранжево-золотым и как бы втянулся в животное.

Фаль, почувяв магию, вихрем слетел с рога, сделал пируэт и, приземлившись мне на плечо, заискивающе уточнил:

– А на что ты колдовала, о, Оса?

– Раз корова здорова, хозяйка сейчас благодарить будет, а не люблю я, когда ни за что хвалят, вот и пометила Милану, чтобы и дальше с ней все ладно было: здоровье, удои, хороший приплод, – пожала плечами и вышла из хлева. Баба так и приплясывала у самой двери, ожидая вестей.

– Не тревожься, женщина, – объявила я с порога, – здорова твоя корова!

– Родимая, спасительница! – обрадованно запричитала баба, не зная, чего ей больше хочется: то ли кинуться мне в ноги, то ли обнять дорогую корову, но любовь к собственности победила. Обхватив рыжуху за шею, хозяйка счастливо зашмыгала носом, корова покосилась на нее карим глазом, вздохнула и продолжила жевать.

Ухмыльнувшись, я вышла из калитки, собираясь продолжить прогулку, ан нет, не успела отойти и нескольких шагов от подворья, как сзади послышалось знакомое завывание, от которого ломило зубы:

– Магева!..

«Ну что у нее еще, неужто у любимой козы запор или петушок лапку подвернул?» – пробурчала больше для порядка и обернулась к раскрасневшейся под цвет своего блузона крестьянке.

– Благодарствую, магева, благодарствую! – запыхавшаяся баба отвесила мне низкий поклон и, пробормотав скороговоркой: – Не побрезгуй, матушка, прими! – всучила три потертых квадратика какого-то металла.

«Матушка?» – Я, оскорбленно нахмурившись, посмотрела на местный вариант денег – свою первую магевскую зарплату, – решая, не стоит ли вернуть эти монетки тетке и послать ее, эдакую бабушку, подальше, но Фаль, видно, почуяв мои сомнения, пропел на ухо:

– Бери, Оса, нельзя отказываться, если магева отплату предложенную не возьмет, человеку счастья не будет.

– О как круто! – мстительно хмыкнула я и, сделав вид, что размышляю, помялась с минуту, но затем все-таки сунула монетки в карман джинсов.

Тетка облегченно выдохнула и расплылась в улыбке. Значит, все сделано правильно, Фаль не обманул.

Улыбнувшись крестьянке в ответ и слегка кивнув, я продолжила прогулку, на ходу расспрашивая сильфа:

– Значит, человек обязан магу заплатить за услугу? И каковы тарифы, то есть люди всегда знают, сколько они должны заплатить магу или волшебник сам цену называет?

– Мага в вольном странствии человеческая благодарность за искусство волшебное кормит, – прощепетал Фаль. – Сколько может человек, столько и заплатит магу или магева, но если ей что нужно, то и объявить об этом не грех.

– Стало быть, оплата – вопрос личной щедрости клиента, уравновешенный опасением кары за жмотство, – довольно резюмировала я, пнув мелкий камешек в сторону густой травы у чьего-то забора. – Прекрасно! Значит, голодная смерть мне тут не грозит.

Фаль решил, что я шучу, и залился довольным смехом. По-видимому, странствующие маги в этой местности были большой редкостью и ценились весьма высоко.

– Почтенная магева! – Меня окликнула сухощавая высокая женщина средних лет в неброском зеленом платье.

Над повязанным на талии серым фартуком явно поглумился какой-то свихнувшийся дизайнер, приделав к нему множество разномастных карманов. Однако спокойное достоинство и опыт, отразившиеся в светлых не то голубых, не то зеленых глазах шедшей ко мне женщины говорили о ее относительной (кто знает, как у них тут в Кочках с психическим здоровьем обстоит в общем и целом) адекватности. У чокнутых таких спокойно-вдумчивых глаз не бывает, сумасшедшие обыкновенно либо агрессивны и буйны, либо чисты и безмятежны, как одуванчики, и так же лишены разумных с нашей точки зрения мыслей.

– Да? – Я остановилась и повернулась к женщине. Может, еще работу подкинут, так и на сапоги насобираю.

– Я Катрика, травница, – представилась та.

– А! Я о тебе уже слышала, – приветливо ответила, сообразив, откуда идет этот приятный терпкий запах сушеных трав. Вероятно, знахарка носила часть своих сборов в качестве аптечки первой помощи прямо в кармашках фартука.

– Догадываюсь, чего обо мне Людвина наболтала, – одним уголком рта сдержанно улыбнулась Катрика, но глаза ее похолодели и насторожились, а руки дернулись к карманам, как у ковбоя к кобуре кольта.

– Сколько ни паши, на всех не угодишь, – беспечно махнула я рукой. – Да и как ты могла ее корову выходить, если животное и не болела вовсе, так, небольшая магическая заморочка. А что ты меня звала: из чистого интереса или дело какое есть?

– Помощи просить хотела, – окинув меня острым взглядом и признав годной для продолжения диалога, ответила травница. – У Иваллы, вдовицы, мальчонка занемог.

«Ура, растем, мне уже предлагают попрактиковаться на людях!» – мысленно «обрадовалась» я и спросила:

– Что с ним?

– С полгода назад со Жданова подворья псина с цепи сорвалась, злобный барбос, здоровенный, что теленок, даже на своих с рыком кидался, но терпели, держали. Уж больно сторож хороший. Валь ему на дороге попался. Тяпнуть пес его даже не успел, только повалил, лапами прижал. Люди вовремя отбили. Испугался мальчонка до одури, даже не плакал, бледный как мел был и дрожал. С тех пор молчит. Все понимает, а ни словечка не скажет, – хмурясь, рассказала Катрика, нервно шурша чем-то в своих кармашках. – Я ему уже и травки успокаивающие заваривала, и растирала, и в ключах ледяных купала. Без толку. Язык отнялся. А Ивалла, мать его, страдает, он ведь единственное, что от Петрина осталось, тот сторел в одночасье шесть лет назад, зимой, за мной и послать не успели. Теперь же и Валь калечным стал. Поначалу Ивалла металась, помощи ждала, за любое средство хваталась, потом словно перегорела. – Брови Катрики сошлись на переносице, в голосе послышалась настоящая злость – не на кого-то другого, а на судьбу и саму себя: бессильна оказалась помочь.

– Не знаю, смогу ли вылечить мальчишку, врачевание не по моей части. Но сразу не откажу, поглядеть надо, – согласилась я и пошла за Катрикой до скромного, когда-то весьма ладного и все еще крепкого домишки, примостившегося недалеко от местного Бродвея, в конце глухой улочки.

Во дворе кормила кур симпатичная, состарившаяся до времени женщина с потухшим взглядом, обряженная в чистое, многожды стиранное, потерявшее первоначальный цвет платье. Она действовала как автомат. Брала горсть зерна и бросала вправо, влево, прямо. Птицы квохтали у нее под ногами, спеша ухватить самые вкусные зернышки. На лавочке у дома сидел худенький, вытянувшийся как тростник мальчонка лет девяти и гладил присоседившуюся кошку черепаховой окраски. Зверюга лениво мурлыкала и время от времени вытягивала лапы.

– Ивалла, я магеvu привела, – позвала травница хозяйку из-за забора и вошла, подцепив крючок на калитке и не дожидаясь особого приглашения.

Тусклый взгляд скользнул по нашим лицам почти безразлично, зато ярко сверкнули глазенки наблюдающего за происходящим мальчонки, светловолосого, черноглазого, чем-то напоминающего подсолнушек – золотой ободок и черные зернышки сердцевины. Пацан во все глаза вылупился на мой модный прикид и рыжие волосы, – ни у кого из местных я такого колера не видела, – аж рот от усердия открыл и темные, как угольком нарисованные брови нахмурил.

– Ивалла, это магева Оса! – снова попыталась представить меня травница. – Она Валя посмотреть пришла.

Ивалла вяло качнула головой и все-таки изволила ответить:

– Пусть посмотрит, коли не шутишь, – поставив миску с кормом на землю, чем вызвала бурный восторг курей, женщина ушла в дом и тихо затворила за собой дверь.

Что ж, меньше народу – больше кислороду, а на прием к врачу пациенту и вовсе лучше без родственников заходить, чтобы уши от «компетентных» советов не вяли.

– Эй, пацан, иди сюда, – весело поманила я мальчишку указательным пальцем.

Бережно опустив на скамью недовольную кошку, паренек проворно вскочил и подбежал к нам.

– Небось надоело молчать, как рыба? – подмигнула мальчишке.

Тот серьезно кивнул, переступил с ноги на ногу, поводя босыми пальцами по мягкой дворовой пыли. Я почти позавидовала, сразу захотелось скинуть тапки, стянуть носки и тоже пройти босиком.

– Тогда давай тебя лечить! – бодро обнародовала свои намерения, убедившись, что с головой у парнишки все в порядке, речь понимает, а значит, не треснул настолько, чтобы

мозгов лишиться. Да и шрамов никаких на горле нет, стало быть, все заморочки с немотой чисто психические, а лечение таковых – дело не только магии, но и личного доверия пациента к врачу.

Читала я или слышала когда-то, что клин клином вышибается, а страх страхом, но пугать паренька второй раз мне, как начинающему логопеду, совершенно не хотелось. Оставив этот вариант в качестве запасного, мысленно выбрала подходящий набор рун из своего арсенала и вытащила из сумки на плече карандаш – обычный серый грифель в ярком синем футляре из дерева. Взяла мальчишку за острый, хоть обрежись, подбородок, покрутила его симпатичную мордашку вправо-влево, потрепала по вихрам и огласила свое решение:

– Я сейчас колдовские знаки на твоём лбу напишу, они запоры с языка снимут.

Глаза Валя, и без того такие же большие, как у сильфа, при виде моего сияющего карандаша стали вполлица. Фаль-болтушка и тот перестал трещать по пустякам, затаил дыхание. Ровно писать я никогда не умела, поэтому решила просчитать, какого размера руны мне следует нарисовать на лбу мальчишки, чтобы все влезло, а *ансуз*, та руна, которая отвечает за воздух, дыхание, снятие оков да за речь, уместилась аккуратно в центре. Перевернув карандаш обратным концом, прикусила губу, сосредоточилась. Черчение никогда моей сильной стороной не было, то ли аккуратности не хватало, то ли каждый раз училку-истеричку вспоминала, и желание что-то изображать пропадало напрочь. Но тут хочешь не хочешь, а хотя бы попробовать поколдовать нужно было. Пальцы начало чуть-чуть покалывать от магического действия готовой воплотиться в рисунке руны.

– Уже все? – хриловатый неуверенный голосок прозвучал так неожиданно, что я, не успев начертать ни единого знака, выронила карандаш.

Катрика изумленно охнула и попятилась к двери дома, шепча:

– Ивалла, Ивалла, пойдё сюда...

– Ну, раз говоришь, значит, все, – ошалело хмыкнула я, нагнулась, чтобы поднять карандаш, и посоветовала: – Мать позови, да погромче, чтоб она тебя со двора услышала.

– Мама, – неуверенно позвал Валь, потом, пробуя голос, стал повторять с каждым разом все громче и звонче: – Мама, мамочка, мама!..

– Валь, сынушка! Родненький! Говори! Говори! – Ивалла вихрем вылетела из дома, едва не сменя со своего пути травницу (я-то успела отскочить), и сграбастала свою кровиночку в такие крепкие объятия, что стало страшно за ребра пацана.

Мать смеялась и рыдала одновременно. Катрика беззвучно плакала рядом, вытирая ладонью дорожки радостных слез. Я шепнула ей на ухо:

– Пора, пойду, а ты им скажи, что со мной сама расплатилась – какими-нибудь секретами знахарскими. Не буду у вдовы плату брать.

– Но как же так? – Травница замялась, вроде бы чуя мою правоту, но не осмеливаясь нарушить раз и навсегда установленный порядок. – А обычай...

– Я паренька не лечила магией, не успела, – осторожно призналась женщине, отведя глаза от обезумевшей матери и счастливого пацана, чей голос звучал все звонче и звонче. Почему-то мне было неловко. – Он раньше заговорил, хватило одной веры в то, что будет здоров. Ты знаешь, как это случается, если верит больной в исцеление, иногда никакого другого лекарства не надо.

– Все равно твоя магия его спасла, – осталась при своем мнении Катрика, – коли Валь не поверил бы в силу магева, так и молчал бы по сию пору. А про Иваллу ты правильно угадала, небогат их двор, концы с концами абы свести, я тебя привела, мне и благодарить. Не отказывайся, магева Оса, не гневи мою судьбу.

Горсть монет травница достала из плотного кармашка на фартуке и отдала мне без счета. Вспомнив, что врачи да колдуны на селе издавна считались самыми богатыми людьми,

я не стала ругаться с Катрикой, молча убрала почти незаработанную плату в карман к первым трем монеткам и вышла, не дожидаясь, пока ошалевшая от счастья Ивалла кинется целовать мне ноги, женщина уже порывалась это сделать.

Травница решила чуток проводить меня до калитки. Тут в голову и пришла очередная идея.

– Слушай, Катя, – схватила травницу за руку, – если твоя подружка на компенсации настаивать будет, скажи, я ей так отплатить велела: найти достойного мужика, который и ей приглянется, и Валю отца заменит.

Катрика мелко заморгала и расплылась в улыбке, потом энергично кивнула:

– Обязательно, даже если настаивать не будет, все равно передам. Хватит Ивалле себя до срока сушить, вон Дамитр с соседней улицы по ней давно убивается, так бирюком и живет, ее дожидаячись. Мужик хороший и детишек любит, с Валем частенько возится.

– Вот и ладно. – Я облегченно вздохнула и почти бегом устремилась за калитку, тут меня нагнал переливчатый смех сильфа, зазвеневший будто в самом ухе. Фаль протянул:

– Ты очень мудрая, магева Оса!

– Нет, просто вредная и очень люблю совать нос не в свои дела, – отмахнулась я, закинув карандашик в сумку и встряхнув ею хорошенько, чтобы улегся на самое доньшко.

В сумке у меня чего только не было насовано, а все потому, что я пыталась бороться с противным следствием закона Мерфи, выведенным на собственном горьком опыте: «самая нужная вещь всегда остается дома». Кстати, практика в такой борьбе – первое дело! Со временем у меня начало получаться. А подружки завистливо ахали: «Ну, Ксюха, ты даешь!» – когда из своей небольшой по виду сумки (всего-то ладонь в ширину, полторы в длину, это если с пальцами считать) я извлекала именно ту штучковину, которая была до зарезу необходима всем в данный момент: зажигалку, блокнот, ручку, пакет, открывашку, носовой платок или жвачку.

Глава 3

Лакс, или Как найти подходящего спутника

Часа два мы с Фалем бродили, вернее, бродила я, а он порхал по селу, изучая местные достопримечательности, каковых здесь не обнаружилось. Зато я, следуя ориентировке, выданной сильфом, нашла лавку, в которой торговали всякой всячиной – галантереей, посудой и прочими товарами, включая отрезы сукна и готовую обувь. Сапоги хоть и имелись в ассортименте, но мужские, из грубой кожи, шитые, по всему виду, на одну ногу. То, что предлагали в местной торговой точке дамам, описанию и вовсе не поддавалось. Здешний женский пол предпочитал рассекать босиком или в таких чоботах, какие я и на похороны прабабушки не надела бы. Обманутая в лучших чувствах, покинула лавку в своих собственных тапках, оставив огорченного привередливостью магеvy лавочника мучительно соображать, а, собственно, чего именно мне понадобилось в его заведении: купить, поглазеть или вовсе сглазить. Деньги позванивали в кармане, но толку от этого было мало, если не считать чувства собственного удовлетворения: всего полдня в новом мире, а на хлеб успела заработать и крыша над головой имеется.

Но я решила, что, когда из села уходить соберусь, в лавку надо будет наведаться, запастись походными шмотками: котелок купить, ложку, миску, одеяло, фляжку для воды. Надеюсь, хоть на этот элементарный список моих монеток хватит, если, конечно, пропустить мимо ушей все «легкие» намеки-просьбы Фаля заглянуть в ту лавку, где он тырил сласти. Я не собиралась поощрять его проказы, а то сильф пузо будет набивать, а репутация намокнет у меня.

– Почтенная магева! – ставший уже почти привычным вопль-обращение (и чего они так орут, неужто здешние маги все поголовно слабослышащие, так сказать, издержки профессии?) прервал мои «сапожные» терзания.

От широкого, раскоряченного во все стороны двухэтажного здания ко мне, переваливаясь с боку на бок и отдуваясь, спешил лысенький толстячок в широких темных штанах, перевязанных ослепительно-зеленым широким поясом, и в светло-серой, щедро вышитой по распашному вороту рубашке, ну точно мячик с полоской посередине!

Я приостановилась, а то схлопочет жирдяйчик инфаркт микарда, а всю вину на меня свалят. Толстяк докатился до меня и, отдуваясь, начал разговор:

– Славный вечер, почтенная магева, солнышко так припекает! Не желаете ли в тенечке посидеть, ягодничка холодного испить прямо со льда, или, может, винца под пирожки медовые?

– Пирожки у него вкусные, – поддакнул мне в ухо вездесущий Фаль столь мечтательно и просяще, что проигнорировать зов карманного напарника было бы верхом предательства.

– Так ты местный ресторатор? – догадалась я и тут же поправилась, не дожидаясь вопроса от недоуменно нахмурившего жиденькие бровки мужика: – То есть кабатчик, трактирщик, хозяин постоялого двора?

– Точно-точно, постоялый двор держу в Больших Кочках, – радостно закивал мужичок, хитро шурясь и поглаживая объемистый живот.

– А присутствие магеvy у тебя в кабаке резко поднимет выручку, поскольку поглазеть на меня не только приезжие, полсела соберется, – хмыкнула, уперев руку в бок.

Розовенький, как молодой поросенок, кабатчик заметно выбледнелся, моментально вспотел, уставился на меня испуганными, бегающими глазками и что-то заблеял. Я ухмыльнулась и похлопала его по плечу:

– Да не переживай ты так, – снисходительно утешила мужика. – Ничего плохого в разумной расчетливости нет, выгода ведь у нас будет обоюдная: у тебя выручка, у меня напиток с пирожками. Пить и правда охота. Ягодничек – это что-то типа компота или сока?

– Так точно, почтенная магева, – закивал дядька, почуяв, что гроза прошла стороной, и, стелясь предо мной красной дорожкой, проводил до самых дверей заведения, плотно прикрытых, чтоб не впускать дневную пыль и жар внутрь.

Просторное полутемное помещение встретило приятной прохладой и тихим, сдержанным гулом голосов немногочисленных посетителей. Деревянные столы с короткими лавками занимали почти все пространство зала, кроме левого угла с лестницей, ведущей на второй этаж, и правого – со стойкой. Там показывали округлые бока уложенные одна на другую бочки, висели полки с кружками и глупо моргал дюжий детина, то ли вышибала, то ли бармен с мордой, которая кирпича просит. Из кухни помимо вездесущего чада доносились весьма приятные ароматы.

Приседая на полусогнутых и лучась своей лучшей улыбкой, кому-то, может, и показавшейся очаровательной, но по мне больше походящей на оскал больного бешенством пса, хозяин попытался усадить меня на лавку в самом центре залы. Так, чтобы любопытствующему народу, потихоньку потягивающему спиртное из кружек, лучше было видеть магеvu.

– Мне это место не нравится, аура у него плохая, – отказалась я от почетного права поиграть в рождественскую елочку, – лучше вот в том углу слева присяду. Туда мне и компот свой с пирожками тащи, попробую, стоит ли у тебя задерживаться.

Трактирщик не стал настаивать, убоявшись, что я вовсе уйду, умчался лично собрать почтенной магеve на стол. Я как раз успела бросить сумку на вторую свободную лавку у своего места, когда он водрузил на стол целое блюдо со сдобными румяными пирогами, запотевший кувшин ягодника только из погреба и не кружку (мамочки, щедрость и честь какая!) – медный пузатый бокал к нему.

Вежливо кивнув мужику, дескать, ступай, дядя, нечего мне в рот заглядывать, наполнила бокал синеватым прохладным соком, пригубила. Вкусно! Точно голубики и ежевики одновременно в рот взяла, холодит и язык чуть-чуть пощипывает. Не раздражает, а так, в самый раз, поддразнивает, чтобы еще плоточек сделать захотелось. Взяла первый пирожок, смотрящий на меня, и откусила. Ха, рубленое яйцо, печенка и какая-то душистая трава. Очень неплохо! Набивший рот одновременно со мной сильф восторженно вострепетал крыльями и попытался расплыться в улыбке, одновременно пережевывая угощение. У талантливого парня получилось.

Так мы с ним в два рта и четыре руки принялись создавать рекламу местной ресторации. Да уж, не знаю, как другие заведения общепита в этом мире, но данный захолустный трактирчик своей кухней не уступал никакой нашенской пирожковой, переделанной в кафе-бар или ресторан быстрого обслуживания.

Люди пили, ели, исподтишка бросали на меня заинтересованные взгляды. Но поскольку угол я для себя выбрала самый укромный, а занимать ближайшие столы никто не решался (вдруг я огнем плевать начну или ядом!), то и ощущения микроба под микроскопом я не испытывала. Они кушают, я кушаю, они пытаются меня украдкой разглядеть в полумраке, я открыто пялюсь на них. Еще неизвестно, кто на кого смотреть пришел!

И так мы ели, а зал постепенно наполнялся народом, шум усиливался. Тем временем сильф, опробовавший все разновидности пирожков у меня на тарелке, решил поразмяться и проинспектировать кухню. Известив меня о своих намерениях, он кометой взмыл под потолок и был таков.

В общем гаме я даже не расслышала, как по лестнице спустился еще один человек и мягко опустился за свободный стол слева от меня. Надо же, нашелся храбрец. Мужчина или парень, – сразу не разобрать, поскольку худощавый, невысокого роста, а маленькая собачка,

как известно, до старости щенок, – оказался рыжим. Это бы первый рыжий, которого я увидела в здешних пенатах. Вот только если мои волосы отливали темной медью, то его отличались светлой рыжиной молодого лисовина.

Мне почему-то сразу захотелось их потрогать. Но лапать посторонних мужчин даже с самыми благородными намерениями проверки качества волосяного покрова – как-то не совсем прилично. Уж на что я нахалка, а тут почему-то смутилась и отвернулась, но слышала краем уха, как парень позвал одну из девиц, обслуживающих зал, потом, обильно пересыпая речь шутками и комплиментами, заказал еду.

Я сунула нос в кружку, словно проверяя, осталось ли что на дне, и задумалась, съесть еще один пирожок или сразу подсесть к рыжему познакомиться. Он, судя по всему, нездешний, может, что полезное для себя узнаю и с симпатичным парнем потреплюсь. Действительно симпатичным, если судить на мой вкус, а уж что мои представления о прекрасном ни капельки не соответствуют общепринятым, я давно убедилась и ничуть, кстати, об этом не жалела. А что жалеть! Если на то, что по вкусу приходится, меньший спрос, так в этом для меня только польза, свободнее зона охоты! Всегда мне нравились худощавые, жилистые парни с неправильными чертами лица. Вот у этого лисовина даже длинный нос не портил обаятельной хитроватой физиономии, скорее еще больше делал его похожим на лиса, только глаза – не зеленые, как положено зверю, а голубые, посверкивали.

Решив для себя начать действовать после пирожка, впилась зубками в сдобный, сочащийся мясным соком бочок и едва не подавилась от сдавленного шипения и звонкого вопля: «Вор!» – раздавшихся слева от меня с одновременным бряцанием и бумканьем (это на пол свалилась моя «маленькая сумочка»).

Рыжий не пытался бежать, он зажимал на ладони широкий порез и глядел на меня отчаянно-дерзким взглядом загнанного в угол зверя. Над ним вился Фаль, так и норовя крохотными кулачками измордовать человека. Что удивительно, тот видел моего мотылька и пытался увернуться. Сложив два плюс два, я начала действовать. Подняла с пола сумку и водрузила ее на стол, загораживая обзор любопытным, дернула парня за рукав блекло-зеленой рубахи с глухим воротом, усадила на лавку подле себя, отмахнулась от зудящего и ярящегося сильфа, кивнула в сторону собравшегося было мчаться ко мне на всех парах трактирщика и потребовала у вора:

– Дай руку.

Рыжий прикусил губу, но руку протянул решительно, словно к огню притронуться собирался. Мои пальцы схватили теплую ладонь, уложили ее на столешницу, глаза машинально отметили длинные тонкие пальцы. В памяти всплыли полыхающие знаки рун. Выбрав одну из них, шепнула:

– *Иса*, – призывая силу руны, попыталась остановить кровь. Ток живой влаги постепенно превратился в редкие алые бусины, а потом и вовсе иссяк. С моих губ слетели названия трех целительных рун, и широкий порез затянулся красной корочкой шрама, которая побледнела и истончилась прямо на глазах.

– Фаль, – не отпуская руку парня, позвала сосредоточенно пыхтящего у меня на плече и обижающегося, что ему не позволили закончить бой, сильфа, – а почему он тебя видит? Неужто тоже маг?

– Нет, – пренебрежительно зафыркал мотылек. – Этот ворюга, о, прекрасная Оса, всего лишь на четверть эльф, потому и имеет дар зреть волшебные создания.

– Ответ принят, – кивнула я, приняв к сведению новую информацию, и обернулась к напряженно изучающему поверхность стола новому знакомцу.

– Зачем ты полез ко мне в сумку? Неужто решил, что я тут самая подходящая жертва?

– Любопытство проклятое, – скривил губы рыжий, изумленно изучая исцеленную руку, сжимая и разжимая кулак, вертя ее во все стороны, – не мог удержаться. Ни разу к магам в сумки заглядывать не доводилось, а тут такой шанс представился. Вот в ловушку и угодил...

– Да какая это ловушка, – засмеялась я и достала свой почти просохший платок из кармана джинсов. Бедная тряпочка, как ей тут достается! Обмакнув платок в ягодник, принялась затирать кровавые следы воровства на ладони парня, потом на столешнице, поясняя между делом: – Просто ножик, когда я сумку встряхнула, лег лезвием вверх. Но вообще-то хорошо, что ты первый туда полез, ведь могла бы порезаться.

– Ты не стала поднимать тревогу, собираешься покарать меня сама? – прищурился голубые глаза, обреченно поинтересовался вор, нервно заерзав на лавке.

– На кой ляд мне тебя карать? Местных денег и украшений в сумке все равно не было, а за то, что полез, куда не просили, сам себя покарал на славу, – усмехнулась я и, сунув в руку парню надкушенный пирог, посоветовала: – На, съешь и успокойся. Никаких опытов над тобой проводить не планирую, человеческие жертвоприношения и прочие кровавые извращения не по моей части.

Машинально жуя предложенное угощение, рыжий оторопело спросил:

– Как мне отплатить тебе, магева?

– Вряд ли у тебя случайно завалялась лишняя пара женских сапог моего размера, – задумчиво сказала я и примолкла, посмотрев в изумленные глаза собеседника. Тут же, тряхнув головой, уточнила: – Нет, что, серьезно завалялись?

– Ты могущественная магева, – прошептал вор в состоянии, близком к панике. – И как только узнала? Неужто мысли читаешь?

– Ни в коем разе, исключительно интуиция, то есть внутреннее предчувствие, – постаралась оправдаться я. – Не бойсь, твои мысли – твоя интеллектуальная собственность, я на нее не покушаюсь. А если какая дурь в башку лезет, то это опять-таки не моя вина, ничего тебе не внушала.

– Спасибо, – кивнул парень, тут же кривовато улыбнулся и предложил: – Пойдешь сапоги примерить или тебе их вынести?

Не слишком веря в сапожное мастерство здешних земель, твердо заявила:

– Без примерки обувь не берут!

Провожаемые заинтригованными взглядами посетителей, мы вдвоем, а если считать сильфа, то и втроем, поднялись на второй этаж и вошли в маленькую комнатку рыжего.

– А тебя и правда Оса зовут? – с опасливым интересом спросил парень, роясь в сваленных в углу вещах.

– Так тоже зовут, если не нравится, можешь Ксюхой звать. – Я пожала плечами и присела на кровать. Соломенный матрас все-таки лучше жесткой лавки, от которой потом весь зад болит. Такого тыла, на котором как на подушке сидеть можно, мне, похоже, никогда не отъесть. Сама именем нового знакомого интересоваться не стала, захочет – назовется, а нет, так и не надо. Вон буду его хоть Лисом звать.

– Я Лакс, – подавая мне какую-то мягкую скатку светло-шоколадного, чуть светлее, чем его узкие штаны, цвета, сказал вор.

– Вот и познакомились, – ухмыльнулась я и присвистнула, развернув поданный сверток.

Оказалось, что это были сапоги. Мягкие бархатные голенища (никогда бы не поверила, что так можно кожу выделывать, если бы не увидела сама) ласкали руки. Аккуратный, чуть скругленный носок, маленький каблучок, и нигде ни стежка не видно, как эту красоту делали, не разберешь.

– Эльфийская работа, – прокомментировал Фаль, пока я, подвернув джинсы, натягивала обновку и просила мысленно: «Только бы оказались впору!» Потому как, если бы

сапоги были малы, я их намеревалась разношивать до упора, а если велики, носить хоть на дюжину носков, ибо расстаться с такой прелестью сил мне уже не хватило бы.

Но чудеса все-таки случаются на свете. Сапоги эльфийского производства оказались мне впору, словно неведомый мастер шил их специально для меня. Такое ощущение возникло в жизни только однажды, когда я примеряла в посещенном на спор бутике дорожные итальянские туфли. Вскочив с кровати, покрутилась на месте, притопнула, проверяя каблук, покачалась с носка на пятку, подскочила с довольной улыбкой:

– Восхитительно! Где ж ты, интересно, раздобыл такую прелесть и для кого?

– Хотел подружке подарок сделать, – кисло скривился Лакс.

– Девка, которая гуляет от такого щедрого и симпатичного парня, как ты, просто неблагодарная дура! Наплюй на нее! – посоветовала я.

– Ты же говорила, что не читаешь мыслей? – мигом встопорщился рыжий, напряжись, как готовый броситься в драку или прыснуть в кусты кот.

– Зачем мне их читать, у тебя и так все на морде написано, – рассмеялась я.

– Симпатичный, значит? – мигом успокоившись, хитро прищурился рыжий вор, перебарывая комплимент, доставшийся от магева.

– А то! – энергично кивнула я, понимая, что иногда капелька лести нужна каждому из нас, а бывают минуты, когда лести требуется целый бочонок, чтобы воспрянуть духом. Фаль оскорбленно фыркнул, так, что мне тут же пришлось уверять мотылька в том, что ему, красавцу, никакие симпатичные люди не конкуренты.

– И далеко ли магева направляется? – словно бы невзначай, для поддержания светской беседы, осведомился Лакс.

– Сама не знаю, – честно ответила я и услышала неожиданный ответ:

– Вот это да! Стало быть, нам по пути! Ты когда собираешься из Кочек ехать? – живо поинтересовался новый знакомый.

– Думала, завтра, вообще-то я пешкарусом передвигаюсь, – улыбнулась столь интересному повороту дела: кажется, рыжий вор решил составить мне компанию. Вот только с какого перепуга ему такая мысль в голову взбрела? Не от лицемерия же моей неземной красоты...

– Чем? – Лакс попытался сообразить, какое колдовское приспособление имеет в виду шизанутая магева.

– Своим ходом, а если на большие расстояния, то не по своей воле, куда судьба закинет, так что ни кареты, ни телеги, ни лошади в личной собственности не имею. Вот потому так радуюсь твоим сапогам, – обстоятельно объяснила я. – Думала, правда, над тем, чтобы отрастить такие же крылья, как у Фаля, но боюсь, будут проблемы с составлением заклинаний, против законов гравитации даже с силами магии не слишком поспешь.

– У меня есть заводная кобылка, смиренная, если хочешь? – приняв мои слова за чистую монету, предложил Лакс таким тоном, что мне сразу стало ясно: ему самому этого смерть как хочется. Пожалуй, даже больше, чем мне.

– Если ты в счет оплаты за несанкционированное кровопускание, то не надо. – Ради проформы слегка посопротивлявшись, я поправила задравшиеся края джинсов.

– Нет, – неожиданно смутился вор.

– А тогда чего ты так к магеве прилип? – слетев с моего плеча, задиристо спросил сильф, до сих пор молча слушавший наш разговор со смешанным выражением любопытства и неодобрения на мордочке. – Или в воровские свои дела втянуть ее хочешь?

– Нет, – снова повторил Лакс и, нервно сплетая и расплетая пальцы, одним духом выпалил: – Просто я чувствую, что лучше этого в моей жизни может ничего не случиться, вот оно, чудо. Я хоть всего на четверть эльф, а судьбу распознать умею. Разум говорит: рядом с тобой, магева, интересные дела творятся, не заскучаешь, может, и я чем помочь смогу, а сердце

поддакивает: если отвернусь и мимо пройду, всегда жалеть буду. А теперь дураком меня назовите, коль хотите, только сразу скажите, вместе я с вами или как?

– Почему бы и нет, – мало что уяснив из сумбурной речи парня, пожала я плечами. – Кто я такая, чтобы против чужой судьбы идти? Присоединяйся, а как устанем друг от друга, всегда разбежаться сможем, чай, не привязанные. Пока местность плохо знаю, ты за проводника да советчика сойдешь. Что думаешь, Фаль, права я?

– Если он судьбу чувствует, не должны мы его гнать, – неожиданно серьезно отозвался мотылек, совершив то ли круг почета, то ли полет-сканирование вокруг рыжего вора.

– Вот и ладушки, хоть лошадь и я понятия трудно совместимые, но как-нибудь перекантуемся, – иронично улыбнулась я, так как имела за плечами всего пару-тройку экспериментов по части конных поездок на короткие дистанции, и хлопнула Лакса по плечу. – Заодно сразу посоветуй, чего мне следует в здешних маг... лавках прикупить в дорогу, а лучше пойдем вместе и выберем.

Лакс просиял, прям как Фаль перед блюдом с пирожками, и охотно согласился сопровождать меня в походе по лавкам, уже за одно это ему можно было ставить прижизненный памятник. Кто пытался хоть разок прошвырнуться со своим парнем по магазинам, тот меня поймет.

Рыжий запер дверь в свою комнату, и мы снова спустились на первый этаж трактира. Без магеvy обычный вечерний гудеж полным ходом набирал обороты. Парочка мужиков, кажется, сельчан, из тех, которые сидели спинами к лестнице, уже успели набраться настолько, что, отставив кружки, перешли к оскорблениям. Особенно громко их было слышно в малость притихшем при нашем появлении обществе.

– Ты, боров плешивый! – загудел один из кряжистых крестьян, грозно насупив лохматые брови, а второй, и впрямь лысый как мячик мужик, возмущенно отозвался:

– Я боров? А сам-то ты кто? Сам хряк вонючий!

– Ну зачем же ссориться, если вы родственники, – мимоходом бросила, покровительственно потрепав спорщиков по головам.

Таверна сотряслась от громового хохота, вызванного моей незамысловатой шуткой, машинально слетевшей с языка при воспоминании о старом анекдоте. Спорщики вылупились на потешающуюся толпу, переглянулись, покраснели до ушей, а потом и сами начали подхихикивать, растерянно поглядывая друг на друга.

Трактирщик вынырнул из-за стойки и колобком покатился к нам, заранее расплывшись в разлюбознейшей улыбке.

– Спасибо за угощение, хозяин, – поблагодарила я, кивнув в сторону блюда с последними пирожками и полупустым кувшином... Ой, нет, блюдо уже опустело, а на плечо мне бухнулся стряхивающий крошки с мордочки Фаль. Ну обжора! Но, с другой стороны, не пропадать же добру, лучше в нас, чем в таз. Успокоив себя старой поговоркой, я спросила: – Сколько с меня?

– Как можно, почтенная магева, – замахал пухлыми руками мужичок. – От чистого сердца угощение ставил! Денег с вас не возьму, вот если только, – хитрован сделал вид, что застеснялся, и подобрал слова поддипломатичнее, – вы поколдовали бы чуток, а?

– Поколдовали, говоришь? Что ж, поколдую. – Я задумчиво улыбнулась, если бы нахал-трактирщик знал меня подольше, счел бы за лучшее торопливо отказаться от услуг магического рода, а так он только радостно закивал головой, точь-в-точь кукла на пружинке. Была у меня в детстве такая, пока я ей башку не оторвала, случайно, конечно, потом она долго в коробке валялась: тулово с вылезшей пружинкой в одном углу, головка в другом.

Аккуратно, чтоб не напороться на лезвие, выловила из сумки за рукоять агрессивный ножичек. Быстро он специализацию поменял: был шинковочным на кухне студентки, а в новом мире стал атамом кровожадной колдуньи. Лакс и Фаль молчали, лишь глаза от инте-

реса горели двумя парами фар: те, что зеленые, совсем крохотные, те, что голубые, побольше – и наблюдали за происходящим. Я огляделась, примерилась, где сподручнее поработать, и, по-хозяйски пройдя за стойку (мордоворот поспешно подался в сторону, чтобы ненароком его не задела), залезла на лавку. Поднятая рука легла как раз на свободное место поверх полка с кружками. Надавив на рукоять, старательно нацарапала одну-единственную руну – *тейваз*. Значений у нее много, но рисовала я, держа в памяти одно, и энергия знака отозвалась в теле чистой упругой волной.

– Готово, хозяин, – нарочито громко объявила, чтобы слышало каждое ухо в зале, да и до кухни дошло. – Пометила я сие место знаком, великую силу имеющим!

Будь у трактирщика хвост, он бы вилял им от нетерпения, словно пес, выпрашивающий ароматную подачку, а так только подался ко мне, едва не вывернув шею.

– Знак сей – великая руна справедливого суда, – я сделала театральную паузу, – одарит тебя честь по чести, ибо мощь знака в правде. Как отныне в доме этом хлебосольном к люду пришедшему относиться будут, так и тебе отзовется. Полной мерой по щедрости своей и гостеприимству награду получишь!

Завершив краткую прочувствованную речь и не обращая внимания на отвисшую челюсть хозяина, все еще пытавшегося просечь, в чем именно его накололи, а что накололи, он звериным нутряным нюхом уже учуял, убрала ножик в сумку.

– А пиво черное у них разбавленное, – весьма своевременно протянул кто-то из завсегдатаев и гулко рыгнул.

Пробка одной из бочек то ли от этого звука, то ли сама по себе вдруг вылетела, и пенный черный поток щедро полился на пол. Детинушка – морда кирпичом, кинулся подбирать затычку и унимать извержение ценной, пусть и разбавленной жидкости.

Лакс широко, от уха до уха, ухмыльнулся и, подхватив меня под руку, повел к дверям. Фаль залился довольным смехом:

– Ой, Оса, ты здорово придумала! Такая шутка даже эльфу никогда бы в голову не пришла!

Судя по довольной мордашке сильфа, мне отвесили изрядный комплимент. Проказливый мотылек считал себя причастным к происходящему и гордился поступком магеvy как своим собственным.

Мы вышли с постоялого двора под радостный гомон торопящегося обсудить чудо народа и тоскливое, как по покойнику, подвывание трактирщика, сообразившего-таки, что теперь он никого ни обжулить, ни наколоть без ущерба для себя не сможет. А нечего было к магеве с дурацкими просьбами приставать!

Короче, не чувствуя ни малейших угрызений совести, я, поскольку никаких туристических супермаркетов в селе не успели понастроить, отправилась в лавку, где осмотрелась еще с час назад. Лакс по дороге постарался выяснить, что именно нам нужно прикупить, и получил мой магевский ответ:

– Все, что сочтешь нужным в дороге. Покупай так, как будто у меня ничего нет, а если что вдруг в двух экземплярах окажется, я скажу. Так проще, чем по каждой фигне совещание устраивать, – заявила я и, побренчав немногочисленными монетками в кармашке, добавила: – Надеюсь, денег хватит, не будет ведь лавочник с магеvy три шкуры драть.

– Деньги на сборы дорожные невелики, – беспечно отмахнулся Лакс, – если надо, я из своих добавлю, не тревожся, магева Оса.

Парень относился к вопросам финансов с легкомыслием человека, привыкшего тратить средства без счета, а в случае необходимости быстро разжигаться вновь. Но поскольку я ни воровать, ни жить на наворованные новым приятелем деньги не собиралась, ответила, выгребя из кармана всю наличность и рассыпая ее на ладони перед длинным носом рыжего:

– Постарайся все же уложиться в эту сумму.

Голубые глаза мельком окинули кучку монет, значение которых я пока не удосужилась выяснить, мгновенно подсчитали, чуть прищурились:

– Тут с лихвой на сборы достанет, если, конечно, ты не из золота-серебра да шелка-бархата вещи заказывать станешь.

– Нет, я не настолько привередлива, – постаралась убедить компаньона.

Да и к чему капризничать, ведь сроду не имела в обиходе предметов из драгметаллов, не считая нескольких серебряных цепочек, пары браслетов, тройки колечек да бабушкиной серебряной ложки, убивающей все известные микробы ничуть не хуже прославленного «Доместоса». Всегда предпочитала обычную бижутерию: и дешевле, и не так жалко, если доведется потерять или сломать.

До лавки вполне приличным шагом (в новых сапожках ноги просто летели над землей!) дошли к самому закрытию, лавочник уже вытаскивал из-под порога брус, собираясь вешать его на дверь. Были ли тут установлены четкие часы работы, или дядя действовал по принципу: солнышко садится, и мне на отдых пора, – не знаю, но для столь дорогих клиентов он, конечно же, сделал исключение. Сию же минуту с завидным энтузиазмом согласился нас обслужить, не знаю, правда, чем энтузиазм был вызван в большей степени: то ли денежку срубить хотел, то ли прогневить волшебницу опасался. Но заниматься психоанализом и выяснять мотивацию поступков торговца мне совершенно не хотелось, я с интересом следила, как сноровисто снует по небольшому помещению с кучей полок, уставленных и увешанных всякой всячиной, Лакс. Оглядывает, что-то прикидывает, что-то откладывает, иной раз даже выносит на свет, что-то берет и вываливает, вываливает на прилавок самые разные вещи. Фаль сновал у вора между рук золотисто-рыжим огоньком, но с какой целью, я так и не уяснила, то ли просто мешался, то ли в самом деле проверял качество потенциальных покупок.

В скором времени Лакс выбрал для меня почти невесомую кружку да фляжку с пробкой, не металл, не керамика, сплетенное то ли из бересты, то ли из чего-то другого настоящее произведение народных промыслов. К посуде я отнесла также помесь глубокой тарелки и миски из чего-то типа жести и деревянную ложку. От грубого ножа отказалась, заявив, что мой колдовской атам годится и для вполне утилитарных целей. Вор отложил и две скатки шерстяных не то пледов, не то одеял, отрез плотного сукна, кожаную сумку, некий гибрид рюкзака и мешка для обуви да еще кое-чего по мелочи. Время от времени рыжий бросал на меня задумчиво-испытующий взгляд, Наверное, соображал, откуда я такая взялась – без рюкзака в походе, и не возоплю ли возмущенно по поводу недостаточного качества или изысканности вещей, но вопросов при постороннем не задавал.

Управились с выбором товара быстро и еще быстрее расплатились, когда Лакс с вежливой улыбкой попросил лавочника назвать честную цену за все покупки разом, поскольку почтенная магева спешит. Настроившийся всласть, несмотря на досадное присутствие колдуньи, поторговаться с посетителем, так сказать, отдохнуть душой после рабочего дня, лавочник погрузтел, но ответил:

– Семь бронзовок за все.

Лакс повернулся ко мне. Какие именно из моих монет именовались бронзовками и натуральное это их название или сленг, вон как у нас доллар и баксом, и капустой кличут, я понятия не имела, а потому отдала вору всю горсть монет, пусть сам расплачивается, а я поглажу.

Парень выбрал из горки две крупные денежки круглой формы с бронзовым отливом и три квадратные поменьше того же цвета, остальное возвратил мне. Лавочник принял деньги, ссыпал их в кошель на поясе, а товарного чека, разумеется, не дал, но, с другой стороны, на фиг мне сейчас чек, здесь вряд ли есть комитет по защите прав потребителей. До такого высокого уровня здешним торгово-денежным отношениям еще расти и расти, тут, коли товар

негодный попадетсЯ, дашь продавцу в морду, деньги назад заберешь, коли сила позволяет, и вся недолга. А если прошляпил или комплекция не та, сам и лопух.

Лакс сноровисто, гибкие пальцы так и мелькали в воздухе, собрал все теперь уже мои шмотки, часть засунул в сумку, часть прикрепил снаружи маленькими ремешками, и привычным жестом забросил себе на плечо.

Когда мы вышли из лавки на окрашенную ярким закатным румянцем улицу, парень спросил:

– Ты не передумала завтра отправляться?

– Нет, – решительно покачала я головой. Дороги нового мира тянули к себе с магнетической силой. Полоумные создания, которые меня вытащили с кухни и сюда забросили, еще неизвестно когда вернутся, а до тех пор хотелось поглазеть на здешние красоты и мерзости, но на первое все-таки больше. Теперь, когда и спутник нашелся подходящий, мешкать не стоило.

– С утра в путь? – кривовато улыбнулся мне Лакс, чуть склонив голову.

– А чего откладывать, пора высиживать! – бодро ответила я, против воли подавив могучий зев, грозящий разворотить скулы. – Ты мои шмотки, чтобы туда-сюда не таскать, пока придержи, а утром я от Торина к постоялому двору приду, и поедем.

– Договорились, почтенная магева, – кивнул вор, а я фыркнула:

– Слушай, рыжий, не долби ты мне мозги этой «магевой», лучше по имени зови. Я не обижусь.

– Хорошо, почтенная магева, – с хитрой лисьей ухмылкой кивнул Лакс и заработал легкую (успел, зараза, уклониться!), пришедшуюся по кривой оплеуху. Мягкие рыжие волосы взметнулись, открывая чуть заостренные маленькие уши.

– Вау!! – моментально забыв о подколках, протянула я. – Это у тебя настоящие эльфийские уши или смесь?

– Чего? – не понял Лакс, но для порядка нахмурился, соображая, а не желает ли магева его унижить.

– Уши, спрашиваю, у тебя точь-в-точь как у эльфов или получились не человеческие и не эльфийские, а средние, потому что ты полукровка? – попытала я счастья еще разок под глумливое хихиканье Фаля, у которого уши были как заостренные локаторы.

– Средние, – буркнул обиженный Лакс. – А коли не нравятся, рубить все равно не буду!

– Зачем рубить? Такие классные ушки к твоей рыжине – форменный лис получается, того гляди, хвостом махнешь и в лес, – рассмеялась я и заверила оскорбленного вора: – Нет, не переживай, мне нравится. Честное слово, красиво!

– Ну, коли так, – на сей раз парень улыбнулся по-настоящему, – завтра налюбуйешься вдоволь! Доброй ночи, Оса!

– И тебе того же, впрочем, парень ты молодой, можно и веселой ночи пожелать! – махнула я рукой и, насвистывая, направилась к дому потомка гномов, в котором меня ожидал первый гостеприимный ночлег этого мира. Интересно, показалось или нет, что Лакса мой ответ смутил самую малость? Скромный вор – это забавно. А может, в этом мире не принято так открыто беседовать об интимной стороне жизни или не принято болтать о таких вещах с магевой? Хотя должно бы быть наоборот, мы же, я магов имею в виду, тут вместо надзорного суда и докторов. Хотя наверняка не скажешь. Чего я тут узнать-то успела за полдня? Почти ничего, зато развлеклась на славу, так, что даже устала. Впрочем, устала не только я. Фаль, снова приземлившись на мое плечо, клевал носом, хоть честно и пытался таращить зеленые глазищи. Впрочем, получалось у него плохо, как у совы, разбуженной в неурочный час.

Глава 4

Гадания и благодарности, или Прощание с деревней

До дома Торина добралась без приключений, калитка рядом с воротами была открыта и еле слышно скрипнула, когда я прошла на двор. Пес для проформы гавкнул пару раз, оповещая хозяев о моем явлении, но тут же дружелюбно крутанул кудлатым хвостом: дескать, ты не обижайся, порядок есть порядок. Я потрепала его по лобастой башке, почесала за ушами, под горлом и в труднодоступном месте на спине у самой попы, вызвала довольное кряхтение, а потом уже прошла в дом, куда звала вышедшая на крыльцо Дорина.

От ужина отказалась, кстати, силф тоже настаивать на трапезе не стал; попросила какую-нибудь тряпицу, обтереть пыльное тело. Вместо тряпки заполучила что-то вроде плетеной травяной мочалки и нагретую на солнце огромную кадуюшку с водой на заднем дворе – среди густых кустов каких-то ярко-желтых ягод. Вымылась до скрипа и даже сполоснула волосы настоем, который Дорина делала по бабушкиному рецепту. Хозяйка потеряла мне спину, полила из ковши на голову и вытрясла пропылившуюся одежку.

Чистая, закутанная в кусок некрашеного полотна, благодарная и не пушистая только потому, что волосы оказались мокрыми, я уселась на кровать в своей комнате и принялась не торопясь расчесываться. Складная щетка из сумки пришлась как нельзя кстати. Попробуй-ка обычным гребешком раздрать спутанные космы – враз наполовину облысеешь, а я не Дорина, волосенки поберечь надо, а то всю красоту попорчу.

Вскоре в дверь скользнула Полунка в длинной рубашке и, усевшись на соседнюю кровать, принялась молча наблюдать за процедурой, словно за каким-то священнодействием. Я терпела. В конце концов, если ребенок никогда не видел, как магева расчесывает длинные волосы, пускай смотрит, а если что спросить хочет или попросить о чем, так пусть соберется с духом и выдаст. Девка не настолько стеснительная, чтобы промолчать.

Я оказалась права. Полунка терпела, терпела, а потом выпалила:

– Почтенная магева, а вы мне не погадаете?

– В будущее заглянуть охота? – задумчиво, поскольку разбирала один весьма злобредный узелок, усмехнулась.

– Страсть как, – честно и откровенно призналась девушка.

– Можно попробовать, – поразмыслив, согласилась я. – Только ты сразу учти: если нагадаю, не значит, что точно так и будет. Мы ж не чурки деревянные, живем, меняемся. Сегодня одни, завтра другие, послезавтра третьи, вот и судьба тоже меняется, это не одна дорога, прямая как стрела, а целая сеть тропинок. По какой пройдешь, сразу не сказать, только и правда погадать можно, а уж угадаешь или нет...

– Понятно, – захваченная моими словами, как неким мистическим откровением, протянула Полунка.

– Ну раз понятно, неси свечку потолще да запалить ее не забудь, – велела я, заплетая чуть подсушенные волосы в косу, чтобы ночью вконец не спутались, а поутру не напугали до икоты гостеприимных хозяев и их милого песика. Если он, как Валь, замолчит от шока, вот будет потеха.

– А ты правда гадать будешь, Оса? – сонно встрепенулся вольготно разлегшийся на подушке Фаль.

– Поглядим, – пожала я плечами, накрутив кончик косицы вокруг резинки, чтоб вился поутру, и натянув джинсы да футболку. – Если получится, так отчего бы и не погадать, а нет, так навру девчонке про хорошего жениха, так сказать, дам установку на будущее. Пусть

будет в себе уверена. Она симпатичная, дом у них небедный, значит, и парня по вкусу найдет, за этим дело не станет.

Девка обернулась мигом, вломила в светелку (разве не так называется комната, где молодые девушки собираются на посиделки?) с уже зажженной свечой на поставце. Толстой, между прочим, свечкой, и не парафиновой, сальной или какой еще, а натурально восковой. Вспомнилось, Торин говорил, что шурин у него пасечник, вот и не переводится в доме свечная заначка. Жгут спокойно, не экономя и лучинами зрение не сажая.

Воск свечи на поставце плавился, распространяя приятный медовый аромат, пламя чуть подрагивало, потому как девичья рука тоже дрожала. Интерес интересом, а Полунке было боязно, все-таки гадать – не в колодец плевать. Будущее и притягивает и страшит человека, а оттого, что страшно, интереснее вдвойне, такова уж противоречивая человеческая натура.

Я довольно кивнула, взяла у девушки толстую свечку (хорошо, долго гореть будет) и скомандовала:

– Теперь садись где-нибудь в сторонке и не мешайся.

Полунка мышью шмыгнула на ларь у стенки и, кажется, вовсе перестала дышать. Фальс подушки перепорхнул поближе, но под руку лезть не стал. Я смахнула на кровать гребешки да бусики, поставила свечу на столик перед медным «зеркалом». Достала из сумочки пилку для ногтей и маленькое зеркальце. Для гадающего коридора, насколько помню, надо бы два нормальных зеркала – одно поболее, другое поменьше, да пару свечей, но попробуем обойтись тем, что имеется в наличии, и рунами, разумеется. Пока я только одиночные использовала да традиционную комбинацию, а теперь надо новую составить. Итак, я коснулась пилкой ровной восковой поверхности свечи и быстро нацарапала строенные руны *кано*, *перто* да *лагу*. Троица эта у меня будет ответственна за интуицию и тайные силы.

Вот и готово, руны заняли место на свече, пламя заходило ходуном, приглашающе выгнулось арочкой, будто открылись воротца. Гляди-ка, и впрямь что-то дается. Ну-ка, продолжим! Я повернулась к свечке и медному кругу вполоборота, поднесла к лицу зеркальце, заглядывая в его глубины. Кончик моего носа, губы, на заднем плане трюмо с магическими атрибутами, яркий огонек свечи. Я моргнула и в следующую секунду поняла, что маленькое пламя закрыло все прочие отражения в зеркальце, а потом ободком расплзлось по краям, и возникла картинка. Как в сломанном телевизоре, звука не было, зато видимость оказалась относительно неплохой, что-то в тумане, а что-то вполне четкое.

Опаньки! Да я и в самом деле вижу! Вот Полунка, только чуть повзрослевшая, покрасневшая, счастливая, на голове венки из каких-то красных и белых цветков, платье тоже красное. Сидит девица за столом, всякой снедью уставленным, а рядом с ней дюжий парень. Косая сажень в плечах, брови как два куска черного меха, меж собой срослись, тяжелый подбородок, но глаза добрые, на щеке, как мушки, родинки. Сияет парень, как новенький самовар, и, вот чудно, на голове его такой же венок, как у Полунки. По другую сторону от моей гадальщицы, кажется, Торин сидит и суровую морду делает, а на деле сияет не меньше парня и дочки.

Поспешно, пока видение не исчезло, добросовестно принялась описывать его девушке. Она слушала молча, только переспросила разок:

– На правой щеке родинка? – И, получив утвердительный ответ, довольно вздохнула. – Микида, сын кузнеца.

Я уж собралась сворачивать погляделки, как картинка в огненной рамочке сменилась. Свадебный стол исчез, зато явилась дорога, выходящая между небольших рожиц, какая-то груда не то камней, не то развалин. Сверкнуло что-то яркое, золотисто-синее и исчезло. Потом снова появилась та же дорога, какой-то палаточный лагерь замаячил вдалеке, и на дороге показалась кучка людей – пара конных и пешие. Кто именно, не разглядеть. Картинка

снова сменилась, и я увидела Лакса, летящую в него стрелу, вот уж рыжий откинулся на спину, а в правом глазу у него крепко засело древко с симпатичным таким сизо-зеленым оперением на конце. Левый глаз неподвижно уставился в небо. «Тьфу, пакость какую кажут! Мы насчет ужасиков и триллеров не договаривались, я даже мелодрам не хочу!» – подумалось мне, и словно в ответ на эту злую и в чем-то испуганную мысль картинка снова стала другой: какая-то темная не то подворотня, не то улица, брусчатая мостовая, а на ней черепки. В смысле, глиняные, не человеческие, горшок, что ли, кто раскокал? И один из этих черепков – здоровый, зараза, и острый – так и скалится краями. Такой не то что голую ногу, сапог враз пропорет, только наступи спяну или по дури. Почему-то мне захотелось тут же отшвырнуть его с дороги.

Видение темной улицы словно поймало мое желание и истаяло, но на его месте больше ничего не возникло. Даже огненная рамочка пропала, я снова пялилась в обыкновенное зеркало на собственный веснушчатый нос и тяжело дышала, будто норматив по бегу сдавала, а не сиднем сидела. Вот уж устроила себе забаву. Я помотала головой, будто хотела вытряхнуть из нее все увиденное, а особенно застывший голубой глаз Лакса, играющий в гляделки с небом, но знала, что хоть оторви башку, а ничего не забуду, да и нельзя забывать, если хочу исправить то, что пригрезилось.

Я машинально сунула в сумку зеркальце и пилку, перевела взгляд на свечку. Странно, оказывается, она уже догорела – остались только толстая лужица застывающего воска на поставце и запах меда. Пальцы, державшие зеркальце, болели, тело ломило от долгой неподвижности. Это сколько же я так просидела? Казалось, не больше нескольких минут, но свечи так быстро не сгорают или все-таки сгорают? Нет, спрашивать у соседки по комнате нельзя, только напугаю девочку. Хотя какая она девочка, мы почти ровесницы, я, может, на тройку лет постарше. Но спрашивать все равно не буду, возраст, он не только кольцами на дереве отсчитывается, иногда за минуту вдвое старше становишься.

– Вы что-то плохое видели, магева? – подала с ларя голос Полунка. Интонации были почти истерическими. Небось девица уже успела себе навоображать невесть чего: мор в деревне или какую иную катастрофу.

– Нет, у тебя все будет хорошо, – улыбнулась я непослушными одеревеневшими губами и повернулась к девушке. – Для тебя мне только одно видение показали, про Микиду, а об остальном не спрашивай, колдовские это дела.

– А я точно за него замуж выйду? – мигом успокоившись, довольно вздохнула Полунка, требуя подтверждения хорошим вестям, а может, просто желая поболтать о приглянувшемся хлопце.

– Точно, неточно... Будущее таково, каким мы его делаем, что-то предопределено, что-то изменить можно. Но ты-то этого делать не собираешься?

– Не-а, – замотала головой девчушка так энергично, что коса залетала, как молотилка у цепа. – Микида мне давно нравится. Коль посватается, тятя с мамой не откажут, знают, что люб мне.

– Вот и ладно, а теперь я еще пройдуся, воздухом подышу во дворе, а ты ложись, коли хочешь, меня не жди, – встала и вышла. Прежде чем успела прикрыть дверь, Фаль вылетел следом.

Устроившись на своем законном месте вместо погона, странно притихший балаболка-сильф молчал все время, пока я не выбралась из дому и не зашагала по саду-огороду за домом, вдыхая полной грудью вечерние деревенские запахи: пыльная трава, спеющие ягоды, какие-то цветы, навоз и глоток ночной свежести. Где-то мычали коровы, лаяли собаки, кукарекал оголтелый петух со сбившейся настройкой будильника, стрекотали кузнечики, зудел комар. Я машинально прихлопнула кровососа и потянулась, прогоняя засевший где-то в груди ужас.

Словно почуяв перемену в моем настроении, Фаль почти робко спросил:

– Дурные видения, Оса?

– Не все, большая часть просто непонятные, а одно и впрямь скверное, неправильное, – поморщившись, призналась я. – Только не выпрашивай, о чем, все равно не скажу. Не стоит давать ему власти над нами.

– Ты сильная, настоящая магева, Оса, – заявил сильф, погладив меня ладошкой по щеке. – Ты можешь менять будущее!

– Откуда такая уверенность? – выгнула я бровь, не то чтобы польщенная, скорее заинтересованная.

– Я просто это знаю, твоя сила уже, хочешь ты того или нет, знаешь об этом или не знаешь, переиначивает все вокруг, меняет в правильную сторону, не хорошую, не плохую, просто правильную. А если ты считаешь, что видела нечто неправильное, значит, сделаешь так, чтобы такого ни за что не случилось, – задумчиво отозвался Фаль без обычных игривости и задора.

– Буду пытаться, – твердо заявила я. – Не думаю, что надо мной поиздеваться захотели, всю ту дрянь показывая, значит, постараюсь перекроить путь-дорожку! Но для начала нам надо хорошенько отдохнуть. Пошли-ка спать!

Мы вернулись в притихший дом, почти все уже легли. Наверное, во всех деревнях рано ложатся и рано встают, скот-то надо пасти, кормить, он на часы не смотрит, мычит, блеет и орет дурниной, коль запоздаешь обиходить. Всегда считала: жить в деревне – подвиг, а работать тут – подвиг втройне.

Лишь Дорина еще шебаршилась у печки, я пожелала ей доброй ночи и прошла в свою комнату. Полунка сладко посапывала, свернувшись в клубочек под стеганым одеялом, и улыбалась, наверное, снился сын кузнеца. Я тихо разделась и тоже нырнула в кровать, Фаль устроился на подушке. Глаза закрылись сами собой, напоззли темнота и теплая дрема. Все тревоги оказались где-то там, далеко, во вчера или завтра, сейчас я просто спала.

Похоже, гаданье выдало мне лимит ярких видений и ужасов, поэтому дрыхла я без задних ног и проснулась от того, что чей-то знакомый голос весело кричал:

– Эй, хозяйева, день добрый! Магева Оса у вас на постое?

– Тише, парень, не ори как оглашенный. – Никогда бы не подумала, что Торин может шептать так тихо и одновременно строго. – Спит еще магева, натрудилась вчера. Мало ей лекарской магии, так Полунка моя, дурища, ее гадать вчера упростила.

– Уже не сплю! – откидывая одеяло и вскакивая на ноги, заорала я не хуже Лакса. – Сейчас оденусь и выйду!

Пока прыгала, натягивая свои шмотки и новенькие сапожки, одеяло у стенки зашевелилось, задергалось, из-под него выбрался заспанный сильф, расправил чуть помятые с ночи крылышки, вспорхнул, протирая кулачками глаза. Ха, не только я сегодня в засонях хожу!

– С добрым утром, Фаль! – засмеялась, подставляя приятелю ладонь.

– Радости солнца, Оса! – отозвался сияющий малыш.

Кажется, все тревоги духа остались в дне вчерашнем, его вера в меня всемогущую была настолько велика, что паренька не колебали никакие темные предсказания. Такое доверие нельзя предать по определению! – решила я и послала подальше все страхи, пусть себе кого другого терзают, я сильнее.

В комнате, где мы вчера обедали, меня уже ждали гигантская бадейка парного молока (топить, что ль, меня в ней собрались?), свежее испеченный хлеб (блин, это как же меня надо было уездить, чтобы я от такого запаха не проснулась?!), миска мягкого творога, плошка варенья на меду, яички, кусок сыра и все семейство Торина с Лаксом в придачу.

Олесь вился вокруг вора и выпытывал:

– Чегой-то на тебя наш Разбой не лаял?

– Я с собаками дружбу вожу... – таинственно улыбался рыжий, ни в какую не желая выдавать своих секретов, а завидев меня, с ехидной задоринкой, скрытой под толстым, как шоколад в «Натсе», слоем фальшивой почтительности, спросил:

– Никак почтенная магева решила в Больших Кочках еще на денек задержаться?

– Ни в коем разе, труба поет, дорога зовет, – с магевской важностью ответствовала я, плещась у рукомойника и метко брызгая на мордочку весело отфыркивающегося Фаля. – Вот сейчас перекушу, и в путь!

– Кого перекусишь? – принимая из рук хозяйки аппетитный ломоть хлеба с пускающим слезу желтым маслом, заинтересованно уточнил Лакс, сбившись с уважительного тона. Ну никакого почтения к моей колдовской персоне!

– Того, кто задает глупые вопросы, в первую очередь, – сурово пригрозила я и задумчиво уточнила: – Или в лягушку превращу!

– А почему именно в лягушку? – опешил вор, видно, в этом мире фольклорно-жабья тематика не нашла еще своего отражения.

– А почему бы и нет? – ответила я вопросом на вопрос и, уютившись на лавке, приступила к завтраку.

Поняв, что превращение наглого типа, осмелившегося разбудить магеvu и задавать ей дерзкие вопросы, откладывается по крайней мере до окончания трапезы, домашние Торина перевели дух. Лишь Олесь был разочарован. Это ж надо, какой черствый парень, ради своей жажды зрелищ готов первого попавшегося человека жабой сделать. Нет, в мире и так жаб хватает, как натуральных, тех, которые полезные и слизней едят, так и прячущихся под человеческой оболочкой, а вот таких я бы сама как слизней... А может, и нет, противно руки пачкать.

Наелась я так быстро, что Дорина укоризненно покачала головой и нахмурила брови, наверное, гадая, а не протянет ли ледащая магева ноги, едва переступив порог ее дома, чем навлечет на него какое-нибудь проклятие и пересуды соседей. Ну что поделаешь, если я статью не вышла и то, что ей, пышной красавице, на один укус, для меня уже непомерное обжорство. Вот облопаюсь, и если не помру молодой, то на лошадь точно не влезу. Правда, Лакс тоже не толстый, а лопает не меньше Фаля, хоть и отнекивался поначалу, что в трактире завтракал. Или тут вообще все такие прожорливые, кроме меня? Ну и ладно, меньше денег буду на прокорм тратить. Экономика должна быть экономной!

Семья Торина, предупрежденная с вечера о моем отъезде, хоть и отзавтракала, а никуда не уходила, сидела и смотрела, как магева ест. Я прямо королевой себя почувствовала. Дорина собрала мне еды в дорогу, а увидев, что еду не одна, насовала с собой еще снеди, для Лакса. Когда парень попытался заикнуться об оплате, хлебосольная хозяйка зыркнула на него так грозно, что вор проглотил язык.

Все-таки хорошего человека, пусть даже и из гномьего рода, я вчера повстречала, а что кровь у него смешанная, так какая разница? И семья замечательная. Обогрели, приютили, накормили и даже вымыли. Надо бы их отблагодарить!

Я встала, вежливо кивнула хозяевам:

– Спасибо вам за все, Торин, Дорина, Полуника, Олесь! Добрая у вас семья и дом добрый, не звала бы дорога, с радостью бы еще погостила. Но мне пора, только хочу на память вам немного поколдовать.

– Дык... – Хозяин кашлянул, а достойная хозяйка едва сдержала смех, покосившись на заробевшего мужа, и вместо него сказала:

– Бойтся мой муженек, как бы его так же, как вчера Фоклина-трактирщика, не заклинали.

– С Фоклином я по справедливости поступила, могла бы, конечно, по милосердию, но уж больно он жадный и настырный, вот и получил честь по чести, что заслужил, – поморщилась я, стараясь говорить одновременно и торжественно и доступно для крестьянских

масс. – Теперь как дела пойдут, только он него зависит. Я ему так и сказала. Если жульничать и обирать постояльцев не будет, так сам в выгоде останется. Вас же я поблагодарить хочу, а не судить. Но навязываться не стану, сами решайте.

– Решай, глава дома. – Дорина ткнула супруга округлым локтем куда-то в район плеча, Торин покраснел до корней волос, получился натуральный цвет обожженного кирпича, и забормотал извинения:

– Да я не хотел обидеть вас, почтенная магева. Испужался только малость, а как не струхнуть, коль по Кочкам такие слухи с утра идут. Вы уж простите дурня. Ведь от чистого сердца мы вас принимали, не думали чего выгадать для себя и ничего не просим, но ежели хотите для нас расстараться, я только в ножки поклонюсь!

– Вот и отлично, я в том смысле, что вы согласны, а не в том, чтобы мне в ноги поклоны бить, это лишнее, – улыбнулась, подхватила свои шмотки и вышла на крыльцо.

Большой светлый брус над дверью еще вчера приглядела, на него так и просился один узорчик, в самый раз подходящий для этого дома. Я бросила куртку на перила, вытащила из сумки карандаш и примерилась. Высоковато, с пола не достать. Лавку, что ль, вытащить, раз тут ни стремянок, ни табуретов не выдумали?

Дипломатично не вмешивавшийся в мои разборки с хозяевами (а что ухмылялся в кулак, так это дело десятое!) Лакс вышел с прочими вещами и узлом с едой в руках, глянул на мои терзания и небрежно спросил:

– Подсадить?

– Ага, – тут же согласилась я, решив, что вор хоть и не былинный богатырь, а минутку-другую меня подержать сдюжит, вырос в экологически чистых условиях, худощавый, но жилистый. – Присядь-ка!

Лакс чуть согнул колени и наклонился вперед. Я шустро оседлала его шею и хлопнула по плечу:

– Готово, поднимай!

Вор выпрямился легко, как будто во мне не пятьдесят кило с довеском числилось, а не больше десятка. По виду и не скажешь, как силен! Стоял рыжий свободно, биение его сердца чуть выше моей коленки прослушивалось отлично – ровное, ничуть не учащенное от натуги.

– Ну надо же, мы всего второй день как знакомы, а я уже у тебя на шее сижу! – злорадненько шепнула я, так, чтобы семейство, высыпавшее вслед за нами на улицу, не услышало прикола. Фаль же услышал и тихо, но очень глумливо захихикал.

– Ну надо же, – в тон мне отозвался Лакс, бережно, но крепко придерживая мои колени, – второй день знакомы, а я уже у магевы ножки щупаю!

– Один – один, ничья. – Я признала остроумие приятеля и занялась выписыванием рун. На этот раз ничего вымерять не пришлось. Рисунок, терзавший мое воображение, как щенок тряпку, словно бы всегда незримо присутствовал на этом месте. Мне осталось только обвести его по контуру. Написала сложную руну, насладилась видным только мне золотисто-коричневым с красным оттенком светом, даже жаль, что другим не полюбоваться, и снова хлопнула по плечу вора: – Закончила.

Лакс аккуратно спустил меня на землю, я повернулась к хозяевам, и, прежде чем успела что-то сказать, Полунка заворуженно протянула:

– Красотища какая, сияет, как солнышко! А что оно значит, магева?

– Вы видите свет рун? – недоумеваю, уточнила я, машинально прикусив карандаш, а Торин подтвердил, засунув кулак за пояс:

– Видим, почтенная магева, чай, не слепые.

Наверное, это правильно, раз руны этому дому и этой семье предназначены, то и видны им настоящим своим светом, – решила я, мигом успокоилась и деловито пояснила:

– Этот символ должен защищать ваши дом и семью, приносить лад и достаток, укрывать от невзгод и бед.

– Хороший знак, – одобрила Дорина, сложив руки поверх пышной груди размера, пожалуй, четвертого, – благодарствуем!

– Это самое меньшее, чем вас можно наградить, счастливо оставаться, – отозвалась я.

– Гладкой дороги и силы, почтенная магева, и вам всего доброго, сударь Лакс! – пожелало семейство Торина, потом мать увела ребятишек в дом, а сам кряжистый хозяин чуток проводил нас к воротам. Я вспомнила, о чем хотела потолковать с ним, и задала вопрос в лоб:

– Слушай, Торин, а ты когда меня в деревню зазывал, говорил, нужда в магеве есть, о ком ты думал?

– Так вы парнишку вчера излечили. Мать не нарадуется, год от него хоть словечка ждала, а теперь не уймешь пострела, как тараторит, – дергая себя за бороду столь же выдающуюся, как стати его жены, смущенно пробормотал мужчина, ему было неловко за собственный благородный поступок. В деревню меня звал, не для себя старался, об односельчанке пекся, о ее горе.

Я кивнула, будто и в самом деле все знала наперед, обо всем догадывалась, потрепала на прощанье пса с милым именем Разбой по загривку, махнула рукой Торину. Провожать за ворота он нас не пошел, не принято здесь за отъездом до последнего наблюдать, когда мать семейства своих чад в дом загоняла, я слышала ее суровое, как командирский приказ, слово:

– Нечего, нечего за магевой глазеть, тоску закликать!

Вот так и оказались мы за воротами перед двумя оседланными лошадьми. Животные стояли мирно, объедали роскошный куст каких-то розовых цветков. Сказала бы, шиповник, так шипов на нем и в помине не было. Впрочем, копытным ботаника пофиг, главное вкус, а поскольку вкус их устраивал, куст успел слегка подрастерять пышное величие цвета и сочных листьев.

Лакс забросил узел с продуктами в пристяжную сумку, легко взлетел на гнедого конька. Я задумчиво уставилась на свободную кобылу. Тоже гнедая, коричневая то есть, только носочки на лапах (нет, ногах, у лошадей то, что с копытами, зовется ногами) были грязно-белыми и разного размера, а на задней левой его вообще не было, должно быть, потеряла по дороге.

– Это Белка, она смиренная и добрая лошадка. Неказистая, правда, – трезво оценил стати своей собственности Лакс, – но идет нетряско.

Кобыла, словно почуяв мой взгляд, прекратила жевать и уставилась на меня в ответ. Не скажу, чтобы мы понравились друг другу с первого взгляда или я у зверюшки вызвала мгновенную аллергическую реакцию, вовсе нет. Она глянула на меня и, наверное, решив, что я – груз более приемлемый, чем какая-то другая поклажа, безразлично отвернулась. Я развязала узел и сняла поводья со столбика, решая, смогу ли вскочить на лошадку так же браво, как Лакс, или свалюсь мешком на другой стороне, насмешив всех окрестных кур, Фаля и вора. Решила не рисковать. Забросила поводья на луку седла, ухватилась покрепче, оттолкнулась от земли посильнее и водрузила себя на спину Белки. По-моему, вышло если и не больно легко, то все-таки не позорно, во всяком случае, Лакс ржать не стал. Он вообще смотрел через забор на горящий огнем знак сплетенной *одаля* и *альгиз* – рун дома и защиты. Моргнул, отвернулся и хмыкнул, стараясь говорить как можно небрежнее, мол, не впервой мне всякие волшебные выкрутасы оценивать:

– И впрямь красиво.

– Ага, – согласился изнывающий от безделья силф, успевший облететь обеих коняг, забраться в каждую чашечку цветка лжешиповника и наконец устроиться между ушей Белки. – Для тех, кто видит, магия всегда сияет. А у тебя, магева Оса, интересно получилось, заклятие даже незрящие углядели.

Лакс тронул коня вперед по улице в сторону, противоположную той, с которой я въезжала на телеге Торины и, обернувшись к сильфу, жадно спросил:

– И что это значит?

– Сила магеvy столь велика, что она способна дать узреть частицу волшебства слепым от рождения, коль возжелает, – гордо пояснил Фаль. Я многозначительно промолчала. А что могла сказать? Ведь только что от мотылька обо всем услышала, да и желания сознательного показать силу рун у меня не было, они сами отозвались на мой безмолвный случайный призыв. Щупать чудо, разбирая его на кусочки, не хотелось. Откликнулись, и на том спасибо!

Глава 5

Тень Ручья, или Археологический раж

Копируя движения спутника, я направила Белку следом за ним, изо всех сил стараясь подражать посадке рыжего. Где-то читала, если неправильно сидеть на лошади, и мышцы быстрее устают, и мозоли скорее натираются в труднодоступных местах, попа отбивается, да и сверзиться вниз недолго. Чувствуя, что меня уже начинает клонить влево, поняла, что хотя бы в одной книге не сбrehали. Ну, если совсем хреново станет, слезу и пешком пойду, не буду терзаться выбором: гордость или седалище. А пока, если держаться ровно, вовсе неплохо получается. Это даже приятно, когда под тобой не сиденье машины, провонявшей бензином (любую машину как ни проветривай, а запахок этот противный неистребим). От лошади же пахло живым, мышцы Белки перекатывались подо мной, какой-то странный восторг наполнял сердце. Все-таки мы многое потеряли, пересев на железных скакунов, пусть и выгадали в скорости. Конечно, если б Лакс пустил коней вскачь, я растрясла бы весь свой завтрак и мигом стала сторонницей пусть не машин, но велосипедов, однако неспешная рысь наших лошадок вполне устраивала мое не обученное езде и не переведшее данный навык в область безусловных рефлексов тело. Если я вдруг начинала клониться на одну сторону, успевала исправить посадку прежде, чем падение на землю сделалось бы неминуемым. А в некоторые моменты мне даже казалось, что в передвижении верхом нет ничего диковинного, но вот Белка чуть поводила крупом, и я тут же раскаивалась, сосредотачиваясь на процессе езды более, чем на созерцании окрестностей и болтовне с Лаксом и Фалем.

Поскольку цели, как вчера было выяснено, наше путешествие не имело, то и торопиться было некуда. Мы покинули Большие Кочки и двигались по проселочной дороге через поля, засеянные зерновыми. Это я так научно их обозвала, потому что сказать, как правильно называются посевы, наверняка не смогла бы. Вроде бы пшеница, а может, рожь или вовсе какой-то местный гибрид. Но поля колосились исправно, от легкого ветерка перекатывались зеленые, местами ставшие чуть золотистыми волны. Этакая обихоженная красота, радующая нехитрое крестьянское сердце. Над полями порхали пестрые мелкие бабочки, важно жужжали толстые шмели, деловито зудели пчелы, прочая мелкая мухота вилась почти беззвучно. Чуть в стороне от дороги щелкали и голосили на все лады какие-то птицы. Дальше, справа, вдалеке виднелась щетка леса, то ли того самого, из которого вышли мы с Фалем, то ли соседнего. Изредка поля перемежались небольшими жиденькими рощицами, в которых неплохо было бы через несколько часов, к обеду, устроить привал в такой жаркий денек.

Разохлавшееся солнышко припекало все сильнее. Я в светлой серой футболке с короткими рукавами не слишком чувствовала жару, а вот запахок лошадиного пота уже коснулся моего носа, но куда ему тягаться с бензиновой вонью! Лакс же по-прежнему щеголял в зеленой рубашке с высоким стоячим воротником. Не распустил ни шнурочка на груди. Только небрежно закатал рукава до локтей.

– Эх, знать бы, что тут такая погода замечательная будет, непременно купальник бы захватила, – мечтательно пробормотала я себе под нос. Загорать топлес, сидя на лошади посреди незнакомой дороги, было все-таки немного стремно, это ж не нудистский пляж, да к тому же слыхала я, таким образом рак груди легко заработать.

– Купальник? – каким-то чудом, а может, генетически унаследованным острым слухом, доставшимся от эльфийских предков, расслышал меня рыжий вор.

– Это такая легкая одежда, в которой принято ходить на солнце и плескаться в водоемах. У женщин она состоит из разнообразной конфигурации кусочков ткани и веревочек,

закрывающих грудь и причинные места, – адаптировала я описание классической пляжной сбруи для менталитета спутника.

– Да, жаль, что у тебя нет купальника, – ухмыльнулся Лакс, – я бы не отказался на такое посмотреть.

– Еще бы, – ухмыльнулась в ответ, – вы-то небось до сих пор купаетесь отдельно, а если девки в воду лезут, так в плотных рубашках. И что за удовольствие в таком рубище плавать? Ткань скорее на дно утянет, чем от нескромных взглядов спасет. Но раз купальника у меня нет, придется париться в футболке. Вам, мужикам, хорошо, если что, можно рубаху снять и никто даже не посмотрит криво.

Лакс резко прекратил ухмыляться и остро глянул на меня, будто подозревая в чем-то нехорошем. Я вопросительно приподняла бровь:

– Ты чего?

– Все нормально, – буркнул вор, на секунду поскущел и тут же перевел тему, спросив:

– А ты не шутила насчет того, что в лягушку превращать можешь?

– Не знаю, – пожала я плечами, перебирая повод. – Трансфигурацию в Хогвартсе у профессора Макгонагалл я не изучала, но, с другой стороны, в каждой шутке есть только доля шутки. Пробовать пока как-то не приходилось, а ты никак себя в добровольцы для опытов выдвигаешь?

– Вот уж нет, – расхохотался Лакс, потрепав по холке своего конька, почему-то именуемого Сухарик, – квакать пока не хочется и на мух не тянет.

– Ну раз не хочется, замнем для ясности, скажи лучше, куда ведет эта дорога? – попросила я.

– В полутора днях пути Патер, – моментально прикинул рыжий.

– Лакс, патер с ударением на первом слоге, это обращение к священнику... – начала я.

– К кому? – первым переспросил Фаль, безразлично болтавшийся неподалеку, пока шел разговор о купальниках. Вопрос наготы его, мотылька, не волновал совершенно, а вот сейчас дух заинтересовался и тут же влез в беседу.

– Э-э, жрец, служитель бога, – повела в воздухе рукой, заодно отмахнувшись от назойливой мухи.

– Какого? – уточнил парень.

Я внезапно тоже заинтересовалась не на шутку местной религиозной системой или отсутствием таковой.

– У вас тут что, ни в кого не верят, не поклоняются?

– Почему ни в кого? – искренне удивился Лакс. – Богов много, каждый выбирает себе покровителя по душе и призванию, ему и возносит молитвы в случае нужды, если совсем припрет, в храм сходит. Вот я и спрашиваю, кого ты священником именovala: жреца богов, Творца или Сил?

– Стоп, приехали. – Я невольно чуть придержала и так не несущуюся во весь опор лошадь. – Проясните-ка мне теперь, какова, по-вашему, разница между этими тремя объектами!

Фаль и Лакс с недоверием уставились на меня в четыре глаза, на уме у обоих было одно: что за шутки магава шутит? Что за проверки знаний устраивает?

– Пожалуйста, – серьезно попросила я, и Лакс, поверив, что для какого-то хрена мне действительно нужен элементарный ответ на элементарный вопрос, известный даже младенцу, коротенько рассказал:

– Творец – это все сущее, создатель душ и миров в первооснове, могущество его неизмеримо. Силы – бестелесные сущности, служащие ему, надзирающие за порядком в мирах, очень редко вмешивающиеся в происходящее напрямую. А боги, ну боги тоже обладают немалой силой, только им и страсти, и желания присущи, как людям, сильнее, конечно, чем

нам, но зато и равнодушными они к мольбам человеческим не остаются, помогают или карают, это уж как получится.

– Спасибо за ликбез, принцип управления Вселенной ясен, – кивнула я, пытаюсь уложить в голове местную мифологическую систему и почему-то отчетливо понимая, что она создана не просто на основе суеверных попыток объяснить природные явления, как упорно долдонили учителя-атеисты в бытность мою школьницей, а я столь же упрямо читала мифы Древней Греции. Слова Лакса опирались на что-то куда более реальное, чем передающиеся из уст в уста сказки. Вор говорил не так, как говорят веря, он вещал, словно твердо знал то, о чем говорит, ну вот как я знаю, что квадрат гипотенузы равен сумме квадратов катетов или сколько букв в алфавите. И Фаль, создание магическое, по определению воспитанное совсем в иных условиях, чем рыжий парень, кивал, подписываясь под каждым его словом. Да что сильф, я ведь тоже ощущала в словах Лакса изрядную долю истины, не то, что он не врет, на фиг ему мне лапшу на уши вешать, а то, что за его словами стоит нечто по-настоящему значимое. Над этим обязательно стоило подумать, но не сейчас, позже, пусть информация отстоится в запасниках мозга.

– Значит, мы едем в Патер, – резюмировала я, закрывая религиозный диспут. – Что это за место?

– Город, небольшой, – машинально ответил Лакс, и все-таки, не убоявшись магевского недовольства (неужто я такая безобидная с виду?), спросил о другом, о том, что действительно захотел узнать после моего странного вопроса: – Откуда ты, Оса?

– Издалека, Лакс, хотела бы объяснить точнее, но сама не знаю как. Там, где я жила, верят в Творца, пусть и называют его разными именами, Силами зовут прислуживающих ему созданий, а мелких богов у нас вообще нет, остались только воспоминания, сказки, легенды. То ли вымерли все, то ли просто ушли, не смогли жить рядом с людьми, почти переставшими верить, слишком занятыми своими делами, чтобы обращать внимание на то, что видно только глазами души.

– Странное место, – передернул плечами вор, ему явно было неуютно. – Как там вообще жить можно?

– Мы привыкли, – задумчиво отозвалась я, сама не зная ответа на его вопрос, да что там не зная, даже никогда не задумываясь над ним, потому что слишком это было привычно, потому что иначе не получалось.

– Теперь понятно, откуда у тебя такая сила, – важно прозвенел Фаль, круто заходя на посадку, – чтобы в таком ужасе выжить, надо быть магевой из магев.

– Не знаю, ваших не видела, сравнить не с чем, – задумчиво хмыкнула я.

– У тех, о ком я слышал, силы поскромнее, – повернулся ко мне Лакс, – истину узнать, подлечить, защиту поставить, это могут, но вот как ты, в один миг и кровь унять, и рану затворить – нет... Есть, правда, те, которые знания и могущество в себе преумножают, так они на людях и не показываются. А на что темные способны, нам не узнать, после великого очищения они если и остались, открыто о себе не заявят, суда да смерти остерегутся.

– Ладно, о колдунах и богах потом как-нибудь покалякаем. Вы мне про Патер дальше рассказывайте, – почти потребовала я. Однако намотала на гипотетический ус (не грузинская красавица, не растут) очередную порцию данных – на сей раз о разновидностях магов (бродячие, открытые миру, скрытные исследователи и чернокнижники) и историческом процессе их развития. За всеми этими рассуждениями я успела позабыть, что еду на Белке, и в очередной раз начала медленно сползать на правую сторону. Пришлось торопливо выправиться. – Я в здешних местах впервые, каждая мелочь интересна. Фаль мне что-то жужжал вчера про Лиомастрию.

– Лиомастрия – эльфийское княжество, земли Дивных, Оса, те, что с человеческим королевством Хавал граничат. Патер один из его городов, небольшой, но значения не послед-

него. Торговля с эльфами идет через него, не с селами же и хуторками им торговать... – принялся рассказывать Лакс, я слушала молча, не перебивала. Фаль тоже помалкивал, но, кажется, задремал у меня на плече, совершенно не интересуясь геополитической обстановкой в регионе. Дорога ровно ложилась под копыта коней, засеянные поля сменились разнотравными лугами, умопомрачительно щедрыми на буйство зелени всех оттенков, пестроту цветов и соцветий. Я словно в заповедник попала, дышалось, несмотря на все наливающийся зноем летний денек, легко, глаз радовался, а голову занимала болтовня со словоохотливыми спутниками. Впрочем, я заметила кое-что еще, обо всем на свете Лакс был готов щедро поведать мне и Фалю, но когда речь сворачивала на что-то, касающееся его лично, особенно прошлого, весьма успешно переводил беседу в другую сторону. Уважая тайны, я и не думала ничего выпытывать. Оно мне надо? Если захочет, сам расскажет, а нет, так пусть играет в молчанку.

– Все, – поняв, что попа моя уже напоминает отбитое филе и даже веселая болтовня больше от этой живоболящей проблемы не отвлекает, я, наплевав на гордость, решительно слезла с Белки. Слезла не более изящно, чем забиралась, и, взяв лошадь под уздцы, пошла, держа ее в поводу, поначалу медленно, а потом своим обычным шагом, который частенько заставлял парней бежать за мной вприпрыжку, не в том смысле, что были очарованы, а просто своим шагом догнать не могли.

– Что случилось, Оса? – понаблюдав за мной, чуть обеспокоился Лакс и склонил рыжую голову пониже.

– Это самое место, – я небрежно хлопнула себя свободной рукой по ягодицам, – отбила напрочь и, наверное, кое-что натерла, но пока не фатально, поэтому, не доводя до беды, лучше немного пройду, ноги разомну.

– Ты нездорова? – недоуменно сдвинул брови парень, для которого вся наша примерно трехчасовая поездка была не более чем легкой прогулочкой.

– Лакс, до этого дня я садилась на лошадь три раза. Один раз, чтобы... – я задумалась, как объяснить приятелю, что такое фотоснимок, – быстрый портрет нарисовали, второй раз лошадь подо мной вел за собой человек, только в третий я минут десять каталась сама, причем большую часть времени тратила на то, чтобы отмахиваться от слепней и оводов, которые жрали бедную конягу. Так что имей некоторое снисхождение к моей неопытности.

Лакс недоуменно моргал, какие-то контакты в его голове никак не хотели замыкаться, или наоборот, что-то замкнуло накрепко, аж дым из ушей повалил.

– Чего ты такой удивленный, как снеговик летом? – малость стыдясь своего покаяния, сварливо спросила я.

– Никак понять не могу, – щелкнул пальцами вор, – если ты настолько знатного рода, что с тебя портреты пишут, то почему на лошади ездить не обучена, или, – парня осенило, он даже хлопнул себя по лбу, – тьфу, болван, дамское седло нужно? Только, – рыжий нахмурился, быстро соображая, – где ж его тут сыскать?

– Нет, нет, – помотала я головой, – род у меня самый обычный, если судить на ваш манер, мать счетоводом служит, отец из стражников. Только у нас вообще на лошадях мало кто ездит, они скорее для развлечения, как птицы из экзотических стран или маленькие собачки.

– Странное место, – повторился Лакс, похоже, с каждой минутой ему все меньше и меньше нравился мир, из которого я явилась.

– Опа! – Я резко прервала разговор и затормозила, вылупившись на груды белых камней, ставшие видными при очередном повороте дороги, проложенной если не пьяным трактористом, то явно по той же методике. С некоторой натяжкой, обладая толикой фантазии, их можно было назвать развалинами. Но меня волновало сейчас не это. Развалины были точно

такими же или чертовски похожими на те, какие вчера вечером явились предо мной во время гадания для Полунки.

– Развалины летнего дворца князя Альглодиэля, – с ностальгией в голосе прокомментировал Фаль, зависнув надо мной. – Теперь даже представить невозможно, каким великолепным был «Айсо ла Валисс» – «Тень Ручья»!

– Во время той войны, о которой ты мне говорил, разрушили? – спросила духа.

– Да, – печально вздохнул сильф. Даже крылышки поникли.

– То, что эльф смог сотворить, человек завсегда разломать сумеет, – щегольнула я цитатой, слегка исказив текст.

Белые камни, некогда бывшие дворцом, а сейчас выглядывающие из густой травы, как скелет гигантского зверя, даже в смерти сохранившего часть былого великолепия, отозвались в груди неясной тоской. А мне-то чего жалеть? Я даже эльфа ни одного в жизни не видела! Наверное, подхватила вирус сожалений от Фаля.

– Это не люди рушили, – вмешался в разговор Лакс, тоже спешившись. – Да, воевали с эльфами долго, кровь реками текла, никого не щадили, но «Тень Ручья» сами Дивные уничтожили уже после заключения пакта о мире.

– Типа не доставайся же ты никому? – полюбопытствовала я.

– Нет, – поморщился вор. – Темная это история, до конца неясная. Что-то там Дивные между собой не поделили.

– Фаль, расскажи, если знаешь, – попросила я.

– Не все эльфы были довольны, когда Альглодиэль решил заключить мир с людьми, поговаривали, что трусил князь, уступил, а нельзя было отдавать эльфийскую землю, стоило биться до последнего, – серьезно поведал сильф без низменной хитрой улыбки на мордочке, вот сейчас я готова была поверить, что ему сотни лет. – Самые недовольные, альянс Каора, решили сорвать заключение договора, а сделать это можно было, лишь погубив князя. Они заплатили своими жизнями, чтобы призвать оборотную силу Теаро, мощь матери-Земли, и обрушили на Айсо ла Валисс. Ночью разверзлась земля, заколебалась почва, сминая камни, как пух, и Тень Ручья обратилась в руины. Почти все находившиеся во дворце погибли, князь тоже. Только одного не знали в альянсе Каора, что договор уже был подписан и мир пришел на земли Лиомастрии и Хавала.

– Так что ж, выходит, эти руины – братская могила эльфов, а заодно и надгробный памятник? – спросила я тихо. Тягостное ощущение, совершенно неуместное в этот безмятежный солнечный день, накрыло меня с головой.

– Нет, Оса, – неожиданно светло улыбнулся Фаль. – Плоть эльфов земля принимает без остатка, соединяя с собой в час смерти. Теперь это только камни, не более, но камни, хранящие историю о предательстве и память о былой красоте.

– Все равно здесь хорошо, – бодро заявил Лакс. – Мирно, тихо, очень спокойно. Может, устроим привал в рощице рядышком? Заодно и пообедаем.

– Я – за, – воскликнула я не столько из стремления передохнуть и набить живот, сколько потому, что хотелось побродить по развалинам дворца с красивым названием «Тень Ручья». Зачем? Пока я и сама не могла ответить на этот вопрос точно, только знала: хорошо бы задержаться.

Фаля уговаривать перекусить не пришлось, лошадки тоже с удовольствием потюхали с холма в тени у маленькой рощицы метрах в пятидесяти от развалин, рядом с небольшим же ручейком. Лакс проворно стреножил коней и пустил их пастись. Из седельных сумок достали снедь, от вина я отказалась, зачерпнув кружкой воды прямо из ручейка. Неожиданно холодная, свежая и чуть сладкая водица оказалась хороша с мягким хлебом, ломтями ветчины, сыром и яйцами.

Привалившись к стволу березы, откусывала кусок за куском от сооруженного бутерброда, взгляд скользил по развалинам.

– Как же хорошо, – запихнув в рот последний ломоть мяса, протянул Лакс и опрокинулся на спину, растягиваясь в траве и раскидывая руки и ноги. Его рыжие волосы смешались с зеленью, смотрелся он здорово.

– Все, что мы любим, либо безнравственно, либо от этого толстеют, – машинально отозвалась я.

– И что же безнравственного я сейчас делаю? – ухмыльнувшись, поинтересовался вор не без игривости в тоне.

– Ты валяешься и бездельничаешь после плотной еды, а от этого откладывается жирок на пузе, так что сейчас ты толстеешь, – ухмыльнулась я в ответ. – Впрочем, при твоём телосложении и в целом активном, весьма нервическом образе жизни вряд ли тебе суждено потолстеть хоть сколько-нибудь заметно.

– Ты хочешь сказать, я до этого не доживу? – Что-то резкое промелькнуло в голубых, чуть лукавых, будто он втайне посмеивался над одному ему ведомой шуткой, и очень ярких сейчас глазах Лакса.

– Я не пророк, – пробормотала я и отвернулась, скрыв от рыжего невольную дрожь.

– Но ведь у тебя были вчера видения, Оса! – очень «своевременно» напомнил Фаль, расправившись с выделенной ему долей пищи куда быстрее нас обоих.

– Может, мне трактирщик чего в пирожки подложил, – хмыкнула я, однако попытка списать грезы на галлюциногенные добавки к пище доверия у моих сотрапезников не вызвала. Пришлось перестать шутить и серьезно ответить, опустив самую главную и страшную часть правды, которую я ни за что не раскрыла бы Лаксу сейчас:

– Да, что-то привиделось, но я сама еще толком не разобралась, что именно, вот эти развалины тоже видела в зеркале, магия, конечно, но что с нее толку? Никаких указаний к действию не получила. Картинка, и только. Что мне с руинами пятисотлетней давности делать прикажете: восстановить или раскопками заняться? Строитель из меня никакой, крепче шалаша в жизни ничего не сооружала, да и у того вечно крыша текла. Копать? Нет, я, конечно, как и все, в детстве мечтала быть археологом, но начинать воплощать свою мечту теперь, и ни с чего-нибудь, а с эльфийского дворца, разрушенного самими эльфами в недобрый час, – даже на мой незамутненный взгляд это уже немножко слишком.

– Кем ты мечтала быть? – приподнявшись с травы, постарался поймать хоть малую рыбку в темной воде моих мыслей шустрый Лакс.

– Археологом, – четко, по слогам, выговорила я. – Это такие историки, которые узнают о жизни, нравах, культуре и людях давно минувших дней, выкапывая разрушенные города, поселки, даже вскрывая могилы.

– У нас в могилах только черные копальщики шустрят, – с пренебрежительной опаской буркнул вор, вроде бы и презирал он такую профессию, но признавал, что немалая храбрость нужна для нее.

– Такие и у нас есть, их черными археологами называют, ищут что-нибудь ценное, а все остальное как ненужный хлам отбрасывают, настоящие ученые потом волками воют от досады, – признала я и, чуток помолчав, деловито прибавила, чувствуя себя как в игре «горячо – холодно», когда тебе словно на ухо кто-то шепнул: «Теплее, теплее!»: – Но в любом случае у нас даже лопаты нет.

– Допустим, лопата у нас есть, – осторожно вставил Лакс, сел на траву, дернул былинку и принялся ее слишком уж небрежно покусывать, – и что ты думаешь с ней делать? Все камни и то, что под ними было, давным-давно занесло землей, травой покрыло.

Рой новых идей взвился в голове, я протянула:

– Рыжий, ты искуситель!

– Это само собой, – довольно приосанился вор, как-то по-особому истолковав мои слова явно в пользу своего мужского самолюбия, – но при чем здесь лопата? Ты такая фантазерка, магева!

– А то! – кокетливо стрельнула я в ответ глазками, – ты даже не знаешь еще какая! – и, переведя разговор в серьезное русло, продолжила: – Если это всего лишь развалины и ничей покой мы не нарушим, никого не оскорбим, то почему бы не попробовать... – Я задумалась, почесывая нос указательным пальцем. – Денег у меня немного, какие-нибудь старинные штучки на продажу очень быгодились. У нас антиквариат ценится, у вас, наверное, тоже неплохо можно на нем подзаработать.

– Эй, Оса, а ты не замечталась? Неужто сквозь землю и камни видеть умеешь? – хмыкнул Лакс вроде бы недоверчиво, но скажи я ему, что могу, поверил бы.

– Нет, разумеется, – скривила я рот. – Не умею, и уметь не больно-то хочется. Чего там, под землей, ценного: корни, жуки, червяки, кроты, камни и трупы людей, не разлагающихся на микроэлементы с эльфийской скоростью? А вот если попробовать с рогулькой пройтись, этаким рыбалкой на суше заняться, вдруг клонет?! – С надеждой обвела взглядом парочку, испрашивая совета.

– Я слышал, что рогулькой воду ищут, – признал вор, запустив в рыжую шевелюру пальцы, – но чтобы сокровища...

– Ты все сможешь, Оса! – бодро воскликнул Фаль, а в глазенках его изумрудных, разгоревшихся как фары, уже плясала золотая лихорадка. Азартный и легко увлекающийся мотылек был готов лететь искать клады хоть сию секунду.

– А я читала, таким образом не только воду, но и руду ищут, значит, есть реальная возможность настроить природный сканер на поиск твердых тел. Есть ли ему в сущности разница, какие камни или металлы искать. Но это я так, личные домыслы излагаю. Что на практике окажется, не проверишь, не узнаешь, хотя я за то, чтобы проверить, – резюмировала решительно.

– Ты магева, тебе и решать, если ты и впрямь Тень Ручья в видении зрела... – охотно сдался Лакс.

Вот я и решила. Пошла в одиночестве (джентльмены не стали вмешиваться в процесс) бродить по рощице, выискивая подходящую ветку с развилкой на конце для сканирования земных недр. Сухую брать не стала, присмотрела пышную березу на окраине рощи, вот понравилась она мне, и все тут! Выбрала тоненькую веточку, наклонила ее и вместо ножа перегрызла зубами, почему-то так показалось правильно. Если уж следовать интуиции, так во всем. Хотя мне, дочери рационального мира неверующих и неверящих, сие было трудновато, однако упрямое желание попробовать перевешивало трезвый презрительный голос рационального сознания, долдонящий: «Ты рехнулась, чем занимаешься? Что за ерунда!» Я послала внутренний голос по матушке, тоже мысленно. Воспитанная интеллигенткой-бабушкой, бывшей певицей филармонии, я с детства была приучена употреблять сакральную и профанную инвективную вокативу (это так по-научному мат называется) лишь в крайних случаях. Отгрызя веточку, не стала освобождать ее от листочков. Обмахиваясь будущим детектором от гнуса, вернулась к нашему бивуаку. Лакс успел собрать сумки и достать нечто и впрямь подходящее если не на лопату, то на нечто среднее между ней и совком-мутантом.

– Вот! – Я гордо предъявила плод, вернее, ветку своих поисков друзьям.

Они с сомнением переглянулись, не видя в хворостине, раздвоенной на одном конце и измочаленной крепкими зубками на другом, никакого глубинно-магического содержания, но из вежливости промолчали.

Хлопнувшись на траву, положила ветку на колени, чуток подумала, ножом нацарапала на ветке три руны – *райдо* (путь), *тейваз* (задание направления) и *феху* (богатство), стянула

через голову тоненькую серебряную цепочку с кулоном – зелененьким шариком в ладошках, если в магазине не соврали, из кошачьего глаза. Аккуратно намотала цепочку на хворостинку и объяснила парням свои действия:

– Где-то читала, в магии важен закон подобия. Вот пусть по этой вещице веточка и сориентируется, что ей требуется искать.

– Ты, вероятно, очень много читала, Оса, – небрежно обронил Лакс, вновь отыскивая что-то подозрительное в моих словах.

Ах да, здесь же, вероятно, книгопечатание еще на начальной стадии развития, там, где хорошая бумага бешеных бабок стоит, читать вообще редко кто умеет, а уж позволить себе купить книгу, от руки написанную или с клише отпечатанную, и подавно мало кто в состоянии. Понятие же «публичный» употребляется лишь в мужском роде со словом «дом» и никак не относится к библиотеке.

– Очень много, – согласилась я как можно более небрежно, – и вовсе не потому, что такая богатая, росла в семье не хронических алкоголиков, конечно, у которых клопы по стенам пешком ходят, но вполне среднего достатка. Только книги у нас предметом роскоши не являются, стоят, – я наскоро прикинула, – не дороже дорожного одеяла, а то и дешевле, все от качества бумаги зависит. Но, может, и лучше было бы, если бы по-прежнему печатное слово имело великую ценность, а то ляпают временами такую хреновину, что жаль и личного времени, и того материала, на котором все это состряпали! Но сейчас не о книгах речь. Давайте-ка пойдем и опробуем мой кладоискатель на местности! Добровольцы есть?

Добровольцы, конечно, нашлись. Все трое (маленькая лопата в руках Лакса и моя хворостинка в счет не попали) направились к развалинам. Вблизи они ничуть не теряли своего обаяния: древность и красота вовсе не белого, а какого-то то ли серого, то ли голубого с тонкими прожилками и завихрениями материала очаровывали сами по себе, но кое-где сохранился и узор: гроздья цветов и фруктов, изящные барельефы танцующих фигурок людей, нет, эльфов, силуэты животных. Даже жалкие останки, язык не поворачивался назвать их остатками, дворца Тень Ручья заставляли сердце тоскливо сжиматься, сожалеть об утраченном навеки великолепии. Каким же надо быть узколобым фанатиком, чтобы безжалостно уничтожить такую красоту? Ну не хотели с людьми мириться, политика князя по вкусу не пришлась, так подкараульте правителя где-нибудь на лесной дорожке, стрелу или кинжал в сердце загоните – вот и вся недолга, зачем же архитектурные шедевры уничтожать? А я-то думала, что страсть к разрушению только человеческая черта. Как бы не так. Безумцы и вандалы альянса Каора оказались ничуть не лучше варваров, подпаливших Рим.

Я тихонько вздохнула, отвела взгляд от узоров на камнях, продолжающих вопреки злой воле разрушителей петь гимн красоте, и покачала веточкой в руке, пытаюсь настроиться на магию, которую заложила в нее рунами. Покалывание и тепло в ладони подсказало: сила присутствует. Зажмурившись, стала определять, что мне делать теперь, куда идти, как начать поиск, и подействует ли мое заклятие так, как хотелось, чтобы в земле отыскать ценности, а не родник или подземную речку. Ладонь обдало очередной порцией тепла, а потом прохлады, и я ощутила, как веточку повело вправо. Сделала шаг, другой, третий – дальше в развалины. Притяжение стало сильнее. Точно и правда я держала в руках удочку, на крючке которой билась рыбка. Через десяток шагов почти побежала. Нет, не рыбка, рыбища. Меня потянуло вперед так сильно, что я едва не упала. Лакс успел поддержать меня за талию, встревоженно крикнул:

– Оса, ты как?

– Нормально, что-то нашла или оно нашло меня, дай доберусь до места, – попросила его и припустила туда, куда тянула веточка.

Я прыгала через камешки, перелезала через камни, переползала через здоровенные плиты и лежащие на траве колонны, досадливо кусала губы, злилась, если приходилось сво-

рачивать с прямого курса и огибать особенно крупное препятствие. Фаль, улюлюкая, летел за мной. Лакс, вняв предупреждению, шагал молча.

Где-то почти в центре развалин ветка наконец перестала тащить меня вперед и клюнула вниз с такой силой, что я упала на колени, только сейчас ощутив, как ноет лодыжка подвернутой когда-то на физкультуре ноги.

– Здесь! – объявила громко.

– Что? – выпалили парни.

– Почему я знаю, – хлопнувшись на плоскую теплую плиту и вытянув ноги, огрызнулась я. – Раскопайте, тогда узнаем. Я только понимаю: рыть надо в этом месте, а на какую глубину и что достанем, придется устанавливать опытным путем!

– Рыть значит рыть, – покорился Лакс и воткнул лопатку в траву.

– Это правильно, рой, дорогой. А я отдохну, созерцая твои труды, – одобрила я и, наблюдая за тем, как споро вгрызается в землю приятель, периодически отбрасывая особенно крупные камни, щегольнула известной мудростью: – Есть три вещи, на которые можно смотреть бесконечно: пламя, текущая вода и то, как другие работают.

Лакс хохотнул, а я, развивая успех, добавила:

– Вот поэтому так много зевак сбегается на пожар, ибо сие великолепное зрелище сочетает в себе все три компонента.

Вор откровенно заржал, тоненько захихикал и Фаль, хлопнувшись мне на колени: держаться в воздухе и одновременно залиvistо смеяться у мотылька не было сил.

– Шутница, – хмыкнул рыжий, закончив хохотать, и снова вогнал лопатку в землю, она обо что-то заскрежетала, только звук получился немного другим, непохожим на обычное столкновение с камнями. Лакс тоже почувствовал это, наклонился и, отбросив лопатку, начал разгребать землю руками, Фаль покинул мои колени и тоже подключился к работе, выхватывая маленькие и весьма крупные, где-то с мой кулак, камни и отбрасывая их в сторону. И откуда только сила взялась в мотыльке?

– Есть! – азартно выдохнул вор и вытащил из земли что-то длинное, встряхнул, очищая от камней и земли, и замер коленопреклоненной статуей с раскрытым ртом.

В его руках покачивалась, подставляя бока солнцу, драгоценная цепь. Даже будучи перепачканной в земле и потускневшей от времени, эта вещь была прекрасна: темный металл и крупные камни сочетались столь удивительным образом, что украшение походило на цветочную гроздь.

– Сейчас! – заторопился вор, вскочил на ноги и устремился в сторону ручья, я за ним не помчалась, лодыжка все еще побаливала.

Впрочем, Лакс вовсе не собирался сбежать с сокровищем, через несколько минут приятель вернулся, благоговейно держа обеими руками добычу. Хитро сплетенная цепь серебристого металла с синими, красными и желтыми камнями переливалась на солнце так, что хотелось прищурить глаза, но не закрыть их, а продолжать любоваться явленной миру красотой, столь долго скрывавшейся под землей. Уже из-за ценности материалов такая вещь, наверное, стоила немало, но ее художественная ценность и тонкая работа многократно увеличивали цену.

Лакс бережно повертел цепь на весу и положил мне на колени. Я осторожно тронула холодный металл пальцами.

– Из чего она? Серебро?

– Эльфийское серебро, – поправил Фаль.

– Куда более чистое, чем человеческое, а еще – желтые алмазы, сапфиры и рубины, – машинально отозвался вор.

– Что ж, не золото, но тоже неплохо, – резюмировала я, чтобы чуть-чуть развеять ощущение высокого штиля.

– Оса, – в голосе Лакса звучало искреннее недоумение, – золото стоит по крайней мере в семь раз дешевле серебра. А эта вещь и вовсе не имеет цены. Мы уже безумно богаты, даже если, – вор нехотя продолжил, – распилим ее и продадим по частям. Покупателя на такое сокровище будет найти очень трудно.

– Распилить? – негодуяще завизжал Фаль и попытался пнуть рыжего ножонкой в грудь. – Да как ты смеешь?!

– Тише, Фаль, он пошутил, – постаралась я унять сиффа, взъерепенившегося при одном упоминании о столь варварском поступке. – Ничего мы пилить не будем. Выкрутимся по-другому! Но Лакс прав, такая вещь – как чек на миллион, вроде бы и деньги есть, и сделать с ними ничего нельзя. Давайте еще поищем, вдруг найдем нечто не столь дорогое?

Повесив рыжему на грудь цепь (в карман она не влезла бы, а сразу прятать в мешок первую добычу показалось нам кощунственным), мы продолжили охоту за сокровищами, почти не обращая внимания на настырно палящее солнце. Азарт грел кровь сильнее лучей дневного светила.

Испытанная хворостинка уверенно направила меня к следующей цели, а потом еще к одной. Разошедшиеся парни (вот она, золотая лихорадка!) с горящими глазами бросались ко мне, стоило рогулке качнуться вниз, и принимались рыть землю с усердием кротов. В следующий час мы нашли серебряное блюдо или маленькую тарелочку с нежным узором, помятый с одного бока кубок из того же металла, инкрустированный эмалью, широкий браслет, украшенный мелким серым и голубым жемчугом, сплюснутый всмятку поставец для свечи и (я обнаружила ее лично, приподняв небольшой осколок здоровенной плиты) витую серебряную цепочку с подвеской.

Кулон был выполнен в виде серебряного, с четко прорисованными жилками листка с каким-то темным камнем, походящим на каплю росы, скатывающуюся с края. Фаль слетал к ручью, принес мне вымытую находку. Я надела цепочку на шею и взяла в ладонь, чтобы полюбоваться еще раз. Темным, как свернувшаяся кровь, камень, намертво спаянный с листом, казался лишь из-за грязи. Теперь на руке переливалась голубая капелька, похожая на настоящую воду. Камень и металл украшения мгновенно нагрелись в ладони и словно сами начали испускать живительное тепло. Тут одно из двух: либо я нашла минерал, идеально подходящий мне по знаку зодиака, либо это какой-нибудь голубой янтарь местного разлива, потому его так приятно касаться и совсем не хочется выпускать из рук. А не хочется, значит и не надо! Такую прелесть я продавать ни за что не стану, оставлю себе на память. Пусть пробы на металле не стоит, вряд ли эльфы стали бы штамповать подделки, не индийцы, у которых на каждом базаре продаются горы «настоящего» силвера для разведения настоящих лохов.

Удивительно, хворостинка не только находила сокровища, она еще и старалась, как я мысленно просила, указывать вещи, спрятанные не слишком глубоко и доступные для извлечения. Но когда мы наковыряли довольно симпатичную горку «металлолома» и уже появилась мысль закругляться, моя веточка послала странный смешанный импульс – тепло и холод, потом ткнулась в землю и замерла. На секунду привиделось что-то форматом с тройку покетбуков на глубине где-то в полметра. Проморгавшись, сообщила друзьям:

– Наверное, все близлежащие мелочи мы уже выкопали, тут зарыто что-то побольше, только глубоковато.

– Насколько глубоко? – поинтересовался изрядно взмокший Лакс, встряхнув головой, чтобы капли пота не попали в глаза. Ему-то досталась самая тяжелая часть работы, но азартный парень не жаловался, мешок с сокровищами был для него вполне приемлемой компенсацией за физический труд.

– Вот так примерно. – Я показала руками расстояние. – Будем копать или плюнем?

– Будем! – решил Лакс и вновь взялся за работу. Фаль мельтешил у него под ногами, каким-то чудом ухитрялся отшвыривать камни, норовящие попасть под лезвие, и при этом умудрялся сам не угодить под лопату.

Вдвоем (мое скромное предложение о помощи было твердо отклонено) искатели сокровищ примерно за десять минут углубились в развалины и выкопали из земли натуральный, как и кубок, слегка помятый камнями ларчик!

Ликующий крик парни издали одновременно и повторили его еще раз, когда открыли крышку (Лакс всего-то несколько секунд покрутил ее в руках и на что-то нажал!) и увидели целую россыпь украшений. Снова серебро и камни, только если первая находка – цветочная гирлянда – была пышной, эти вещицы не бросались в глаза сразу, их тихая красота завораживала исподволь. Тот или та, – удивительно, сразу определить, мужчина или женщина были владельцами шкатулки, я не могла, – обладал чрезвычайно тонким вкусом.

– Может, тут еще тонны сокровищ, но нам уже хватит. Устала, – констатировала я и, закинув хворостинку на плечо, поплелась в лагерь.

Парни не стали спорить с волею магева, выбрали добычу, инструмент и пошли за мной следом. Сидя на траве, мы рассматривали вываленные из мешка находки, прихлебывали холодную воду и трепались за жизнь. Вернее, трепались мы с Лаксом, а Фаль купался в побрякушках из ларчика, как дядя Скрудж в своем хранилище, и блаженное выражение на его мордахе было столь великолепно, что никто не спешил выуживать сиффа из шкатулки.

– Этого хватит, чтобы всю оставшуюся жизнь есть на серебре, одеваться в бархат и спать на шелке, магева, – задумчиво подбрасывая браслет, вещал Лакс. – Я в Патере надежных людей знаю, которые честную цену дадут и лишних вопросов задавать не будут. Как с рук вещицы сбудем, можно дом купить хоть там, а хоть бы и в самой столице.

– Можно не значит нужно, рыжий, – отозвалась я, любуясь диковинными вещицами и начиная испытывать невольное уважение к расе, способной творить такую красоту.

– Ты чего, Оса, тебе деньги не нужны? – озадаченно нахмурился Лакс.

– Отчего же, деньги нужны всем, ибо большая часть наших потребностей не может реализоваться в их отсутствие, – признала я. – Только не знаю, сколько мне в этом мире суждено пробыть, вот и не хочу ни деньги, ни время тратить на пустяки.

– Странная ты, любая другая о доме, муже, детишках и богатстве мечтает. Впрочем, наверное, у магев по-другому. Если это пустяк, чего же ты хочешь? – удивленно спросил вор.

– Путешествовать, увидеть как можно больше всего, что есть в мире, – призналась я, крутя в пальцах освобожденную от цепочки-маячка хворостинку, – с деньгами это легче. Но ты не переживай, Лакс, мы честно поделим сокровища, на свою долю и дом, и бабу, и детишек завести сможешь.

Вор возмущенно поперхнулся и выпалил, яростно сверкнув глазами:

– Вот уж нет! Нашла дурака, хочешь, чтоб я жирной приманкой для какой-нибудь стервы, охочей до толстого кошелька, стал?

– Ты мне только что то же самое советовал, а как на себя примерил, так не по нутру стало? – коварно усмехнулась я, ткнув хворостинкой в грудь рыжего.

– Ты другое дело, женщина красивая, магева опять же, значит, всегда распознать сможешь, кто истинно любит, а кто деньгами прельстился, – отводя глаза, пробормотал вор.

– Ох, Лакс, да на фиг мне эти игры в угадайки: любит не любит, к сердцу прижмет, к черту пошлет, я уже сказала, чего хочу, – отмахнулась от него, – и хватит об этом.

– Лады, – покладисто согласился вор, мне даже показалось, с тайным удовлетворением. – Ну раз ты хочешь странствовать, тогда отправляемся? До ночи успеем еще чуток проехать, чтоб завтра к вечеру быть в городе!

– Твой коварный план разгадан, злодей, – с громким, нарочитым стоном поднявшись на ноги, провозгласила я, – ты желаешь уморить меня в дороге путем отбития сидалища и заграбастать все сокровища себе!

– Конечно, – заухмылялся Лакс.

– Ничего у тебя не выйдет! – шутливо огрызнулась я. – Назло всем выживу, а если все-таки умру, стану привидением и буду выть у тебя под окнами всю ночь напролет и распугивать любовниц! Поехали! Фаль, вылезай!

Сильф в очередной раз вынырнул из ларца с колечком на голове, смотревшимся на нем как изящная диадема – витой серебряный обруч с созвездием мелких камушков в центре. Мотылек приосанился, напрашиваясь на комплимент.

– Красавец! – констатировала я. – Так и будешь теперь летать со звездой во лбу, как царь-лебедь?

– А можно? – состроил умильную мордочку Фаль, радостно трепетнув радужными крылышками.

– Почему я знаю, можно ли тебе носить наголовные обручи или нельзя, может, какой обычай сильфовый запрещает, – отшутилась я походя. – Сам решай, дружок. А если ты нашего разрешения спрашиваешь, так почему бы и нет? Копал вместе со всеми, значит, заработал награду!

Фаль восторженно взвизгнул и перевернулся в воздухе, разливая вокруг себя ликование. Как мало нужно мотыльку для счастья – новая побрякушка на башке, и радости конца и края не видно. Я почти позавидовала столь скромным запросам, на секунду задумавшись, а что могло бы привести меня в такой блаженный, нерассуждающий, чистый восторг. На ум ничего не пришло. Загадочное животное человек: несчастным его сделать легко, а абсолютно счастливым почти невозможно, слишком много думает или не думает вовсе, золотой аристотелевой середины у него нет. Впрочем, к состоянию абсолютного счастья я и не стремилась, вполне хватало желания жить интересно, всюду совать любопытный нос. Может, в этом и есть мое странное девичье счастье?

Лакс начал складывать вещи, а я отбежала к ручью и ткнула ветку в участок влажной почвы. Выбрасывать свою помощницу просто так казалось черной неблагодарностью, а тащить с собой не хотелось, вот и решила: столько магии в хворостинку напихано, что она обязана вырасти в красивое дерево, а не увянуть банальным образом. Неплохой шанс на рост у веточки был: за все время, пока мы таскались по жаре, листья на рогульке даже не начали вянуть.

Глава 6

У эльфийских шатров, или Сбывшееся видение

Забравшись на лошадей, мы вновь тронулись в путь. Лакс вскачь пускаться не стал, ехал не спеша, щадя мой, скажем расплывчато, организм. Но четыре ноги, вопреки заверениям пройдохи Масленицы из нашего замечательного мультика, все равно быстрее копытами перебирают, чем две. Руины Тени Ручья с почти незаметными следами наших раскопок остались далеко позади, впереди виднелись лишь извилистый, сухой, как у полинявшей змеи, хвост дороги и луга с редкими пушистыми островками рощиц. Езда временами казалась похожей на плавание, этакий зеленый океан по обеим сторонам дороги, глаз скользил по волнам трав небрежно, тело пребывало в расслабленном состоянии, чем-то похожем на медитацию.

За следующие часа четыре мы встретили, вернее, проехали мимо пары неказистых повозок с разморенными жарой и клюющими носом возницами, и трех всадников, один из которых ехал быстрее нас. Лакс сказал, что это гонец, потому и торопится. Остальные передвигались степенно, никто заговаривать с нами не пытался, путники кивали друг другу и двигали дальше.

Кстати, насчет четырех часов – это я навскидку сказала, потому как ни наручных, ни карманных у меня с собой не было, но время я всегда определяла неплохо. Человек – тварь талантливая, а нужда всему учит. Тут дело в тренировке. Когда в электронных часах без конца, не успеваешь даже покупать, садится батарейка, а кварцевые или механические отказываются служить просто так и после ремонта тут же ломаются снова, очень быстро смиряешься и привыкаешь к тому, что ты сам себе часы. Если не хочешь всюду опаздывать и как попка долдонить «который час?», помогаясь у всех встречных-поперечных, учишься определять время на глазок. Мы даже с друзьями спорили на чипсы или бутылку газировки, так я всегда угадывала – ровненько, плюс-минус три минуты.

Если в этом мире сутки состоят тоже из двадцати четырех часов, то сейчас должно быть около восьми вечера. Солнце еще высоко, но летом, когда заря с зарей встречается, и в десять светло. Однако Лакс начал периодически оглядываться по сторонам, присматривать место для ночлега. Это хорошо, потому как последний час мое сиденье мало что чувствовало, я не жаловалась, но с опаской думала о завтрашнем дне, когда с утра пораньше мышцы выскажут хозяйке все, что думают по поводу издевательств, коим их подвергли вчера. А я еще даже не проверяла, сумею ли вылечить сама себя, или мое могущество распространяется только на других.

За личными переживаниями как-то упустила из виду поселившееся на периферии сознания ощущение дежавю. Знакомый крутой изгиб дороги, рощица, подступающая к самому краю, куполом склоняющиеся ветви деревьев, словно в тоннель въехали. Где-то я это видела, и к тому же совсем недавно...

– Стойте, путники, назовите себя! – прозвучало неожиданно не только для меня. Вздрогнул даже Лакс, натянул поводья, а рука невольно скользнула к поясному ножу.

На дороге стояло четверо – трое светловолосых мужчин и одна женщина. Четверо, но не людей. Создания, одетые в легкие и очень красивые, переливающиеся искрами, одинаковые густо-зеленые рубашки, серые брюки, сапожки, скроенные по тому же фасону, что и подаренные Лаксом, были эльфами. Длинные уши с заостренными кончиками, большие миндалевидные глаза. Луки с наложенными на тетиву стрелами оказались направлены в нашу сторону. Стрелы... время словно замедлило свой бег. Каждая секунда растянулась до бесконечности. Стрелы в колчане и на тетиве среднего мужчины или юноши (разве по таким

лицам определить возраст навскидку!) имели сизо-зеленое оперение. О боги, демоны, Силы, Творец или кто тут главный в общем котле мироздания! Еще несколько мгновений, и мое видение станет явью: мертвый Лакс, невидящий глаз, уставившийся в небо. Но почему? За что?

Мозг заработал с лихорадочной скоростью: эльфы не выглядели угрожающе, они спокойны, обычный патруль или стража, никакие не разбойники. Форменная одежда, такие типы похода преступлений не совершают, а с людьми княжество замирилось еще пятьсот лет назад, и о новой войне даже слухов не ходит, иначе Фаль непременно проболтался бы. Значит, перестрелять нас как сусликов с бухты-барахты никто не желает. Неужели трагическая случайность? А если случайность, то ее можно избежать, заменить на другую, более счастливую. Надо действовать, я должна верить, что смогу! Не зря же мне всякие ужасы вчера показывали! Итак, надо действовать, Ксюха! Время, дав шанс на раздумье, вернулось к прежнему течению, я широко улыбнулась патрулю и заговорила, чуть тронув Белку ногами, как это делал со своим конем Лакс, чтобы тот ступил шаг-другой:

– Магева Оса, путешествую в сопровождении сильфа Фаля, – рука плавно коснулась плеча, на котором сидел приосанившийся мотылек, – и компаньона Лакса... – Моя лошадка наконец сделала нужный шаг, луки эльфов, смотрящие чуть поверх наших голов, чтобы происходящее выглядело не прямой угрозой, а просто стандартным предостережением, начали опускаться, переходить в более мирную позицию. Я, физически ощущая приближение роковой секунды, крепче обхватила ногами бока Белки. Плавное движение руки, якобы указывающей на парня, резко ускорилось, пальцы метнулись к рыжему вору, схватили его за руку, за ремень, охватывающий узкую талию, и рванули на себя. Так крепко я еще никогда ни во что не вцеплялась. Не ожидавший такой подлянки Лакс потерял равновесие и почти рухнул на меня. В тот же момент раздалось музыкальное «дзень». Там, где только что была рыжая голова вора, свистнула стрела. Эльф, все-таки очень молодой парнишка, ибо взрослые люди так не удивляются, с открытым ртом смотрел на оборвавшуюся тетиву изящного лука, на стрелу, на половину длины ушедшую в дерево за нашими спинами, и глаза его едва не вылезали из орбит. Не лучше дело обстояло с другими эльфами и Лаксом.

– Направляемся в город Патер, – завершила я, выпустив Лакса из сжавшихся мертвой хваткой рук.

Вор, не дурак, уже уяснил, чего ради я играла в «обжималки», и был не румянее бедолаги-стрелка. Но в седле выправился и рта не раскрыл, предоставив магева дальше играть на поле.

– Хотя наше путешествие, как я погляжу, могло бы здесь и закончиться. – Голос звучал спокойно, ровно, с каким-то отстраненным интересом, а сердце трепыхалось, как угодившая в силки птичка, по спине скатилась струйка пота, но ликование, затопившее волной душу, пульсировало мыслью: «Получилось! У меня получилось! Лакс жив! Я смогла!»

Женщина быстро, но необычайно плавно, словно в танце, повернулась к парню, сжимавшему бесполезный лук, и выдала какую-то мелодичную, однако очень сердитую трель. Юноша жалобно прочирикал что-то в ответ. Все луки уже были опущены, стрелы вложены в колчаны за спинами. Мужчина, один из двух, не стрелявших в нас, отвесил мне почти почтительный поклон и промолвил на доступном пониманию наречии:

– Пусть осияет свет твой путь, магева. Да не затаишь ты на нас вражды: роковая случайность, а не злой умысел, направили оружие. Позволь во искупление вины пригласить вас в свой стан. Будьте гостями, разделите с нами трапезу и останьтесь на ночлег.

«Надеюсь, приглашают от чистого сердца, а не чтобы добить тайком, раз промазали», – мысленно прокомментировала я и вежливо склонила голову в ответ, однако спешиться не торопилась:

– Благодарю, мы принимаем ваше великодушное предложение.

Провинившийся юнец быстро чирикнул что-то просительное остальным патрульным, и они чинно закивали головами. Зеленые как молодая травка и очень виноватые глаза парня устремились на нас, и он робко сказал, стараясь при этом выглядеть достойно и гордо:

– Я приглашаю вас к своему костру.

– Веди, – согласилась я и соскользнула вниз с седла, не столько из вежливости, сколько по куда более приземленным причинам.

Было большим облегчением снова передвигаться на своих двоих, хоть и стремящихся принять совершенную форму колеса. Лакс тоже спешился, соскользнул с седла с почти эльфийской грацией. Теперь мне стало понятно, откуда у вора такая легкость в каждом движении. От предка рыжему передалась немалая доля пластичности, что в соединении с человеческими генами дало неуловимую стремительность движений, отняв у них танцевальную мягкость. Но урона вор от этого не понес.

Мы двинулись за горе-лучником прямо в кусты у дороги, за нашими спинами послышался новый всплеск эльфийских трелей. Я очень пожалела, что не понимаю языка, и задумалась, а можно ли использовать руны, чтобы составить заклятие перевода. Но навскидку, тем более на ходу, такой вопрос не решить, потому пришлось довольствоваться лингвистическими познаниями Фаля и Лакса. Сильф прозвенел мне на ушко:

– Эльфы собираются доложить о происшествии князю. Они очень встревожены.

«Еще бы, – фыркнула я про себя, – в конце концов, почти дипломатический инцидент, вот так взять – и чуть не пристрелить человека на общественной дороге», – и продолжила разговор вслух:

– Князю? А что ему тут делать, разве вы мне не говорили, что это земля людей? – удивленно переспросила, продираясь через кусты и досадуя, что не догадалась первым пустить Лакса. Шедший впереди эльф вообще, казалось, не задевал ни травинки, растения будто раздавались в стороны, пропуская его. Так что дорогу мне приходилось протаптывать безо всяких там мачете, практически голой грудью, как коммунистке. Следом с комфортом двигались остальные. Вот они, истоки старинного обычая джентльменов – пропускать дам вперед.

– Владыка Аглаэль едет с дипломатической миссией в Патер, – важно обмолвился наш проводник, наконец выбравшись из-под кустов и деревьев на простор равнины. Там, как я уже догадывалась, раскинулся тот самый небольшой палаточный, вернее, шатровый городок, который мне довелось лицезреть давеча в зеркальной рамочке: разноцветный, сочный, гармоничный, несмотря на множество диссонансных цветов. Вокруг этих многокрасочных, но ничуть не отдающих цыганской безвкусицей шатров легко двигались эльфы.

– Ясненько, – резюмировала я, решив не задавать больше никаких вопросов.

Для начала хотелось поглазеть по сторонам на снующий по лагерю народ. Я ж эльфов в первый раз увидела всего несколько минут назад, а посему с жадностью вбирала новые впечатления от визуального знакомства с Дивным народом. Если не считать неудачной попытки пристрелить Лакса, они производили положительное впечатление: изящные,двигающиеся с врожденной грацией, какую неповоротливый человек приобретает лишь годами занятий танцами, создания были красивы как картинки, одеты с необычайным изяществом, хоть и в простые по-походному вещи. А может, дело заключалось не в тканях и покрое, а в том, как они носили одежду. И в лохмотьях можно выглядеть королевой.

Словом, эльфы мне, конечно, понравились, однако я сразу решила, что ни за что не хотела бы жить среди них, чтобы не растить чувства собственной ущербности. В сравнении с прекрасными созданиями моя симпатичная мордашка казалась какой-то грубой, глаза и волосы тусклыми, а походка неуклюжей, как у медведя-шатуна, напившегося кофе в ноябре. Вот поглядим на этих дивных и предвечных, слопаем все, чем угостят, выпьемся на халяву и отправимся в путь, подальше от безупречно-изящных, как статуэтки или рисованные герои мультя, созданий.

А то чувствую себя как в музее, все такое красивое, что плюнуть некуда, а плюнуть почему-то хочется, наверное, низменная человеческая сущность пробуждается. Сравнение-то не в человеческую пользу. Стыдно! Вон тут сколько народа, никак не меньше сотни, а трава нигде не примята, ни одного окурка, бумажки или другого мусора. Птицы тоже, как щебетали в листве, так и продолжают заливаться, их близость двуногих созданий не напугала. Уже одних этих примет было достаточно, чтоб уловить разницу в менталитете.

Пока шли по краю лагеря, эльфы косились на нас с неменьшим любопытством, чем мы на них, но с расспросами приставать не спешили, то ли хорошие манеры мешали, то ли запрет вышестоящих инстанций.

– Тириэль! – завопили где-то слева хоть и мелодично, но отчаянно истошно. К нашему эльфу устремился другой лиловоглазый паренек в форме и с точно такой же прической: золотистые волосы на висках заплетены в косички, соединяющиеся на затылке и придерживающие остальную шевелюру. Вот только замечательные локоны второго эльфа казались какими-то растрепанными, стоящими дыбом, а сам он явно запыхался. Подбегая к нашей компании, затараторил что-то очень быстро, даже Лакс нахмурился, пытаясь расшифровать трели, присвисты и пощелкивания. Нет, поняла я спустя минуту, вор нахмурился именно потому, что разобрал, о чем болтает остроухий. Скрипнув зубами, рыжий перевел, поглаживая кинжал на поясе, как нетерпеливо рвущегося за дичью пса:

– Этот муд... – вор смутился, но я успела понять, каким именно ласковым прозвищем он хотел поименовать эльфа, – говорит, что решил пошутить над приятелем и что-то сделал с тетивой его лука, думал, тот на вечернем стрельбище подянку обнаружит, а его в дозор послали.

Эльф-проводжатый зло засверкал глазами и, кивнув на нас, ответил приятелю-приколисту чередой возмущенных переливов, которые сделали бы честь самому талантливому соловью. Шутник посерел лицом, как-то разом съежился, поклонился и проговорил ту самую фразу, которую мы уже слышали от стрелка:

– Я приглашаю вас к своему костру.

– Они уже приглашены, Фалькор, – на сей раз по-человечески, чтобы мы въехали в ситуацию, возразил Тириэль, гордо вздернув изящную голову на тонкой шее.

Интересно, как это у них получается, даже если не по-своему говорят, слова все равно будто выпевают, наверное, это тоже талант. Эльфы, набычившись, смотрели друг на друга, каждый настаивал на своем праве искупления вины. Нет, юноши везде одинаковы, даже близким друзьям – дай только повод пособачиться, вспыхивают, как порох. Я вздохнула и вмешалась в назревающий конфликт:

– Мы ведь, как поняла, приглашены на трапезу и ночлег, так давайте поужинаем с одним из вас, а спать придем к костру другого. Устраивает?

Эльфы заморгали, переглянулись с облегчением и отвесили мне скромный полупоклон:

– Как пожелает магева.

– А еще мы можем покушать и тут и там, – задумчиво встрял Фаль.

– Ты-то можешь, а вот мы, боюсь, нет, – рассмеялась я.

Все засмеялись и, как говорят в сводках новостей, в теплой и дружественной обстановке добрались до стоянки Тириэля. Обещанного костра нигде поблизости не наблюдалось, вероятно, выражение было метафорическим. В такую жару костры я заметила в лагере только в одном месте. Оттуда доносились ароматы съестного, полевая кухня работала – одна на всех. А потому еда, которую нам предложили, усадив на какие-то пестрые длинные подушки у стенки скромного темно-синего, расписанного мелкими незабудками шатра, оказалась самой натуральной. Маленькие изящные салатнички с мелко-мелко порубленной зеленью и орехами, все заправлено каким-то легким маслом, длинные полоски еще горячего,

необычайно нежного, хорошо прожаренного мяса. Мягкие булочки, если не испеченные тут же, то точно подогретые. На десерт выдали пестрые пластинки, очень похожие на яблочную пастилу. А поскольку пастила всегда была моим любимым лакомством, я даже простила эльфам покусение на Лакса. Вор, похоже, успел оклематься от шока и ел с немалым аппетитом, а может, на нем так сказывался именно шок: чем страшнее, тем больше жрать хочется. Знала я одну девицу, которая перед экзаменами никак наесться не могла, уже и в аудиторию заходить пора, а она все какой-нибудь пирожок жует.

Пока насыщались, оба эльфа, взвалившие на свои плечи долг гостеприимства, сидели рядом, клевали со своих тарелок как птички, по чуть-чуть, словно не ели, а дегустировали каждый кусочек. Парни обменивались с нами ничего не значащими вежливыми фразами о еде и интересовались, не желаем ли мы добавки, но по едва заметным нетерпеливым движениям было видно, что они совсем не прочь поболтать с людьми чуть позднее. Поодаль смеялись, болтали, ходили кругами другие эльфы, как мне показалось, с точно такими же целями. Так, наверное, во времена Союза вели себя с иностранцами. Легкая опаска, интерес, жажда общения перемешивались в столь плотный коктейль, что определить, каких чувств больше, было затруднительно. Все это показалось мне капельку странноватым, ведь это для людей сменилось больше десятка поколений со времен войны и бывшая враждебность улеглась, а долгоживущие эльфы вполне могли помнить прошедшее так ярко, словно все случилось еще вчера... Да, пожалуй, я поняла, почему большая часть снующего вокруг народа казалась подростками на пикнике. Они и были преступно молоды по эльфийским меркам, почти дети, родившиеся и выросшие после войны. Вот почему никакой открытой враждебности к людям не испытывали. Тот, кто собирал это посольство, либо отличался поразительной наивностью, либо был прожженным дипломатом. Я пока не осознала в полной мере тактических преимуществ избранной стратегии, да, собственно говоря, и не особенно стремилась до всего докопаться. Кто они мне? Симпатичный народ, сегодня я ужинаю у их шатра паэлори (салатом), фаэнто (мясом) и уилоссой (пастила), а завтра поеду дальше. У них свой путь, у меня свой. Я им ничем не обязана, а они, исполнив долг гостеприимства, полностью рассчитаются за свою шутку со стрелами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.